

Сетевой научный журнал

Научный результат

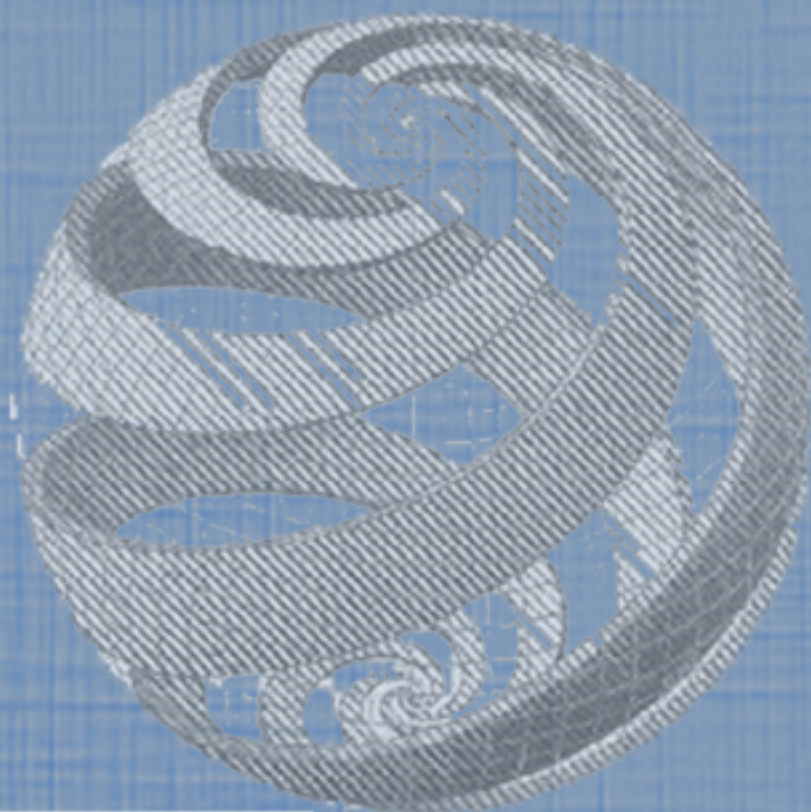
Research result

Том 1

№2 2015

*Сетевой научный рецензируемый журнал
Online scholarly peer-reviewed journal*

Социология и управление

ISSN 2408-9338

Сайт журнала:
<http://belsu-research-result.ru/>

9 772408 933006

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СЕРИЯ
«СОЦИОЛОГИЯ и УПРАВЛЕНИЕ»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

Включен в библиографическую базу данных
научных публикаций российских ученых РИНЦ

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2013 г., ежеквартально
ISSN 2408-9346

Том 1. №2(4), 2015

Учредитель:

ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ:

Шаповалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА СЕРИИ:

Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ СЕРИИ:

Кисиленко А.В., старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ СЕРИИ:

Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Гордеева Н.О., кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Мережко А. А., преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета.

RESEARCH RESULT

SERIES
«SOCIOLOGY AND MANAGEMENT»

Mass media registration certificate
El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Included into bibliographic database of scientific publications of
Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2013.
Frequency of publications: quarterly
ISSN 2408-9346

Volume 1. № 2(4), 2015

Founded by:

Belgorod State University

SENIOR EDITOR OF SERIES:

Shapovalova I. S., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY CHIEF EDITOR OF SERIES:

Lebedev S. D., Ph.D. in Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

CLERK OF SERIES:

Kisilenko A. V., Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR:

Lyashenko I.V., Ph.D. in Philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD:

Gordeeva N. O., Ph.D. in Sociological Sciences, Associate Professor, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

Merezhko A. A., Assistance lecturer, the Department of foreign languages and professional communication, Institute of intercultural communication and international relationships, Belgorod State National Research University.

Tarabaeva V. B., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University.

Шмигирилова Л. Н., кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора Института управления по международной деятельности Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдирайымова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра религиоведческих исследований Института философии и общественной теории Университета Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Буданов В. Г., кандидат физико-математических наук, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН, Россия.

Бубенко П. Т., доктор экономических наук, профессор, директор СВНЦ НАН и МОН Украины, член-корреспондент Академии экономических наук Украины, Украина.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, начальник отдела социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, Россия.

Карамышев Д. В., доктор наук государственного управления, профессор, заведующий кафедрой социальной и гуманитарной политики Харьковского регионального института державного управления Национальной академии государственного управления при президенте Украины, Украина.

Марек Х., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Польской Школы Государственного Управления, Польша.

Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории академии управления при президенте республики Беларусь, Беларусь.

Патрик Э. И., доктор технических наук, профессор, председатель правления международной Академии управления и технологий INTAMT, Германия.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, Россия.

Shmigirilova L. N., Ph.D. in Sociological Sciences, Associate professor, Deputy director of international activity, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL TEAM:

Abdiraimova G. S., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Blagoevich M., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Center of theological researches, Institute for Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Serbia.

Bolotin I. S., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Budanov V. G., Candidate of Physico-mathematical Sciences, Doctor of philosophical sciences, Associate professor, Senior Research Scientist of Сектора Transdisciplinary problems of scientific and technical development, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Russia.

Bubenko P. T., Doctor of Economics, Professor, Director of North-West Scientific Center National Academy of Science and Ministry of Education and Science of Ukraine, Associate Member of Academy of Economic Sciences of Ukraine, Ukraine.

Zybok Y. A., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research RAS, Russia.

Karamishev D. V., Doctor of State management sciences, Professor, Head of the Department of social and humanitarian policy of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of the National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine, Ukraine.

Marek X., Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of Polish School of State Management, Poland.

Novikova I. V., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Belarus.

Patrik E. I., Doctor of Engineering Science, Professor, chief executive officer of International Academy of Management and Technology INTAMT, Germany.

Chuprov V. I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research RAS, Russia.

**СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ****Алейникова С.М.**«Русский мир» в представлениях
белорусской студенческой молодежи.....5**Истомин А.Г., Лебедев С.Д.**Локальная идентичность жителей города
Белгорода (по материалам качественного
исследования).....13**Мякчило С.А.**Рефлексия человеческого достоинства:
от дескриптивного к конструктивному
подходу.....22**СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ****Погорельий М.Ю.**Рассмотрение некоторых
бихевиаристических экономических
вопросов, касающихся дилеммы
покупателей смартфонов.....29**Червинский Е.А.**Политика импортозамещения:
понятие, методика анализа и основные
направления совершенствования.....33**ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ****Аматова Н.Е.**Оценка рисков внедрения конвергентных
технологий в различные сферы
общественной жизни.....39**Макушакова А.С.**Взаимодействие медиаконвергенции
и процессов политической
коммуникации в социальном и
технологическом измерениях.....44**Шаповалова И.С., Гоженко Г.И.**Понятие техносферы:
аналитический обзор формирования
и изучения .....51**SOCIOLOGY OF CULTURE
AND SPIRITUAL LIFE****Aleinikova S.M.**«Russian world» in the views
of the belarusian student youth.....5**Istomin A.G., Lebedev S.D.**The local identity of people living
in the city of Belgorod (based on the
materials of a qualitative research) .....13**Myakchilo S.A.**Reflection of human dignity from the
descriptive to the constructive approach.....22**SOCIOLOGY OF MANAGEMENT
AND SOCIAL TECHNOLOGIES****Pogoreliy M.Y.**Considering some behavioral economic
issues concerning the dilemma
of customers buying smartphones .....29**Chervinski Y.A.**Import substitution policy: concepts,
methods of analysis and main areas for
improvement.....33**TRANSDISCIPLINARY RESEARCHES
IN THE SPHERE OF SOCIAL-SCIENCE
THEORIES****Amatova N.E.**Risk assessment of implementation
of convergent technologies in various
spheres of public life .....39**Makshakova A.S.**The interaction of media
convergence and the processes of political
communication in the social
and technological dimensions .....44**Shapovalova I.S., Gozhenko G.I.**The concept of technosphere: analytical
review of the formation and study.....51

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

УДК 316.74

Алейникова С.М.

«РУССКИЙ МИР» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БЕЛОРУССКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Алейникова Светлана Михайловна, кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник НИИ теории и практики государственного управления
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
ул. Московская, 17, г. Минск, 220007, Республика Беларусь
E-mail: alejnsvetlana@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

«Русский мир» – амбициозный цивилизационный проект Русской православной церкви, призванный дать ответ многим глобализационным вызовам: утрате социокультурной идентичности, размыванию ценностных оснований, размежеванию некогда общего геополитического пространства. В то же время приведенные в статье результаты контент-анализа и данные ассоциативного эксперимента свидетельствуют об отсутствии среди белорусской молодежи осмысленных представлений как о самой идее «Русского мира», так и перспективах ее реализации.

Ключевые слова: государственная идеология; национальная идея; политическое мифотворчество; историческая память; Русская православная церковь.

Aleinikova S.M.

«RUSSIAN WORLD» IN THE VIEWS OF THE BELARUSIAN STUDENT YOUTH

Aleinikova Svetlana Mikhailovna, PhD in Sociology, Researcher
of the Research Institute for Theory and Practice of State Management
The Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya St., Minsk, 220007, Belarus
E-mail: alejnsvetlana@yandex.ru

АБСТРАКТ

«Russian world» – an ambitious project of the Russian Orthodox Church, designed to answer many global challenges: the loss of social and cultural identity, the erosion of the value of reason, separation of the once common geopolitical space. How feasible is this project? Trying to answer this question, the author in the course of the study involved two main tasks, the first of which is the analysis of the model of the «Russian world», its purpose, structure, and status in the vision of the head of the Russian Orthodox Church Patriarch Kirill. The second task is the detection of the absence of thinking about this idea in the modern Belarus society, the adequacy of its perception of the students. The results of the content analysis and the data of the associative experiment given in the article shows that the Belarussian youth lacks any meaningful representation of the “Russian world” idea and possible prospects of its implementation.

Keywords: state ideology; propaganda; national idea; the political mythology; historical memory; the Russian Orthodox Church; «Russian world».

Введение

«Русский мир» – амбициозный проект Русской православной церкви Московского Патриархата (далее – РПЦ), призванный дать ответ многим глобализационным вызовам: утрате социокультурной идентичности, размежеванию некогда общего геополитического пространства, секуляризации. Насколько реален этот проект? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, автором в ходе исследования ставились две основные задачи. Первая из них – анализ модели «Русского мира», ее предназначения, структуры и статуса в видении главы РПЦ Патриарха Кирилла. Вторая задача – выявление сформированности представлений о данной идее в современном белорусском обществе, с акцентом на адекватности восприятия студенческой молодежью перспектив ее возможной реализации и развития.

«Русский мир»: мечты, идеалы, конструкции

Первое программное оформление идеи «Русского мира» прозвучало из уст главы РПЦ – Патриарха Кирилла на открытии III Ассамблеи Русского мира в ноябре 2009 г. На протяжении последующих пяти лет патриаршее видение идеи «Русского мира» развивалось, уточнялось, дополнялось новыми чертами и противоречиями. В этой связи представляет интерес анализ выступлений Патриарха Кирилла в контексте его обращения к концепту «Русского мира».

Русский мир в представлении Патриарха Кирилла – в первую очередь цивилизационное понятие: это «особая цивилизация», «цивилизационное пространство», единство и общность которого определяется Предстоятелем РПЦ по факту крещения Руси в 988 г.: «Русский мир – единое духовное пространство восточнославянских стран-наследниц исторической Руси» [1]. Помимо приведенных трактовок, Патриарх определяет Русский мир как «русский способ жительства», поддерживаемый «общими государственными границами». Попытка уточнить предложенное нетривиальное определение уводит к еще большей абстракции: «способ общественного жительства, который во всем мире

ассоциируется с русской традицией» [2]. Содержание, особенности и отличия «русского способа жительства» от иных способов жительства Патриархом не раскрываются.

В приведенном контексте в качестве основной характеристики представляется обоснованным выделить не столько «понятие» и «способ», сколько «пространство» Русского мира. Пространственное измерение требует определения уже не только духовных и цивилизационных, но и формальных границ, создающих, однако, «лишние препятствия между народами Русского мира», одним своим наличием греша «против исторической правды...» [2]. Поэтому на сегодняшний день территория Русского мира гораздо шире территории Российской Федерации – ядром его выступают государства, «образовавшиеся на пространстве исторической Руси» [3]: Россия, Украина и Беларусь.

В более-менее очерченные границы Патриархом включены Молдавия и Казахстан, а также «другие страны исторического пространства Руси». В одном из последних выступлений 21 января 2015 г. Патриарх вносит существенное уточнение уже о «восточнославянских странах-наследницах исторической Руси», которое, однако, также требует дополнительных пояснений, вкладываемых в данное определение смыслов. В идеале Русский мир может стать подобием византийской цивилизации – именно это, по мнению Патриарха, и есть «высший, всечеловеческий уровень общественного бытия» [3].

Кроме перечисленных стран, важной составляющей Русского мира является вся зарубежная русскоязычная диаспора и все православные общины, охваченные деятельностью как РПЦ, так и Русской Зарубежной Церкви (РПЦЗ). В перспективе же к стране Русского мира может быть отнесена любая страна, в которой русский язык используется как язык межнационального общения, развивается русская культура, хранятся русская общеисторическая память и единые ценности.

Неуклонно расширяющиеся в риторике главы РПЦ географические границы Русского мира потребовали более четкого определения его оснований, которые и были сформу-

лированы Патриархом в 2009 г. Таковыми, по его мнению, являются: 1) православная вера, 2) русская культура и язык, 3) общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие¹[2].

Очередность предложенных оснований имеет для РПЦ принципиальное значение. Признавая вклад других традиционных конфессий и даже светских течений мысли в созидание русской цивилизации, базовой ее опорой предсказуемо становится «вселенский характер Православия, лежащего в основе мировоззрения большинства из тех людей, которые осознают себя частью Русского мира» [3]. Именно религиозное измерение Русского мира Патриарх последовательно отстаивает и в последующих выступлениях: «в центре цивилизации, к которой мы принадлежим, – евангельские ценности» [4].

В то же время, если в случае с первоисточником Русского мира позиция РПЦ последовательна и логична, то с содержанием и значимостью двух других оснований можно отметить некоторые сложности и противоречия.

Являясь в представлении Патриарха вторичными по отношению к православию и РПЦ, русская культура и язык занимают промежуточную вторую позицию в перечне трех оснований Русского мира. Русская культура как «стыковочный узел для соединения с другими национальными традициями» и «самобытные способы и форма выражения ценностей» [2], а также русский язык как «коммуникационный элемент», возникший в результате «совместных усилий людей разных национальностей», являются «общим достоянием всех народов Русского мира» [2]. Значимость русского языка как «средства коммуникации» является, однако, небесспорной, поскольку «говорить на русском языке или понимать русский язык – это не единственное условие принадлежности к Русскому миру» [5].

1 Следует обратить внимание, что в «Декларации русской идентичности», принятой по итогам заседания XVIII Всемирного русского народного собора в 2014 г., применительно к русской идентичности предлагается другая очередность основных составляющих, в которой православие уступает свое место русскому языку: «это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа» [1].

Поэтому третьим основанием Русского мира выступает «общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие», суть которого может быть сведена к необходимости почитания общих памятников, дат и имен, связанных с важнейшими событиями отечественной истории. Об их конкретном перечне и смысловом наполнении можно и нужно договариваться в целях «достижения согласия в интерпретации тех или иных событий прошлого, оценки исторических фигур» [6].

«Единство исторического сознания», по-видимому, призвано учитывать уроки истории, так как, помимо выработки компромиссных оценок событий (моделей) прошлого, предполагает «преодоление имущественной пропасти», уже приводившей страну к революциям и социальным потрясениям. Однако едва ли не главной угрозой Русскому миру, по мнению председателя РПЦ, выступают «антирелигиозные гонения, преследования людей за мирно выражаемые убеждения, подавления гражданских свобод», «агрессивный секуляризм», «воинствующий антиклерикализм» и т.п. явления [6]. Учитывая, что главным основанием Русского мира в модели РПЦ выступает православие, подобная позиция является вполне последовательной, хотя постоянные отсылки к ужасам безбожного прошлого, присутствующие практически во всех публичных выступлениях Патриарха, свидетельствуют не столько о реальных угрозах, сколько об отождествлении Патриархом границ Русского мира и РПЦ.

В 2010 г. «три источника, три составные части» Русского мира дополняются еще одним, четвертым основанием – «единой системой ценностей», впервые включившей в себя их конкретный перечень. К данной системе Предстоятель РПЦ относит достаточно разноплановые: «религиозную веру и межрелигиозный мир, свободу и нравственное совершенствование личности, самопожертвование ради других, крепкую семью, уважение старших, соборный совет и действие, творчество, трудолюбие, справедливость, любовь к Отечеству, заботу о сотворенном мире» [3].

В целом, за исключением пункта о православной вере как базовой основы Русского мира, приходится констатировать отсутствие выятных смысловых границ данного концепта даже у главы РПЦ. Так, в трех абзацах од-

ного выступления на тему Русского мира 6 сентября 2014 г. Патриархом четырнадцать раз употребляется обезличенное местоимение «это» («эту цивилизацию», «эту концепцию», «эти ценности» и т.п.) [4], а терминологический разброс в контексте рассматриваемой темы насчитывает около полутора десятков вариантов, каждый из которых несет самостоятельную смысловую нагрузку («цивилизационная модель», «цивилизационная основа», «цивилизационная традиция», «цивилизационное пространство», «цивилизационное понятие», «цивилизационный центр» и т.п.).

Отдавая явный приоритет цивилизационному измерению Русского мира, глава РПЦ несколько раз допускает оговорки, свидетельствующие и о его желаемом политическом воплощении. В частности, в тексте одного и того же документа Патриарх Кирилл заявляет, что, с одной стороны, Русский мир «не является инструментом политического влияния Российской Федерации». С другой стороны, по его мнению, Русский мир «может стать сильным субъектом глобальной международной политики» и «значимым игроком на мировой арене» – ведь цивилизационная традиция неизбежно «существует в условиях различной политической и общественной самоорганизации» [2; 3].

Цель нового, именно политического измерения Русского мира осознанна: «В глобальном мире невозможно игнорировать международные структуры, а потому Русский мир должен активно присутствовать на международных площадках» [7]. Следует обратить внимание, что, в отличие от представлений о самом концепте, в РПЦ присутствует четкое представление и о наиболее значимых акторах политических процессов, и о приоритетных формах межгосударственных образований. Ключевая роль в политических процессах отводится уже не народам, а «элитам и межэлитным отношениям», а также крупным международным политическим игрокам: «организациям системы ООН, ОБСЕ, Советом Европы, Европейским союзом» [7]. Оптимальной же формой Русского мира в условиях глобализации и децентрализации «может оказаться теснейшее интеграционное сотрудничество равноправных суверенных государств» – например, в форме «наднационального проекта». РПЦ и русское пра-

вославие в предложенном раскладе уже становятся геополитическими факторами [8].

Идеальная конструкция Русского мира как некоего нового «Четвертого Рима» была бы неполной без сакрализирующего начала, в роли которого, помимо вселенского характера православия, уже традиционно выступает борьба с «врагом», угрожающим провозглашенным целям и ценностям. Однако, если перечень оснований и ценностей Русского мира условен и требует дополнительных уточнений, но все же присутствует в программных заявлениях Патриарха, то образ «врага» так же традиционно абстрактен.

Врагом выступают «противники, которые пытаются в России видеть врага», «эти люди из иного лагеря», «властные политические и экономические центры», «те, кто...». Причем «те, кто...», тем не менее, считают, что славяне «не имеют права на свой духовный и культурный мир», что является, по мнению Патриарха, «абсолютно неправомерным подходом» [4]. Максимально обезличенный образ врага приобретает некоторые конкретные черты лишь в единственном случае: «наши противники, в том числе националистические настроенные силы на Украине» [4].

Наличие врага предсказуемо предполагает борьбу и противостояние, тем более что не беспокоиться о Русском мире означает «ослушаться Самого Бога». Поэтому первоочередное значение приобретает не столько способность к мирному развитию, сколько «способность защищать традиции своего народа, его религиозные и культурные ценности...» [2]. Для того, чтобы «не быть поглощенным различными властными политическими и экономическими центрами» «люди, несогласные быть переплавленными с другими...» [7], борются против «этой страшной перспективы раствориться в одном общем пространстве» [5].

Гипотетическая возможность принять страдания, муки и смерть придает Русскому миру уже сакральный смысл, в очередной раз отсылая к неназванным противникам и мученикам: «Одно это понятие ... выводит из себя наших противников, которые пытаются в России видеть врага... И уж как достается всем, кто смеет употребить одно только словосочетание Русский мир!» [4].

Таким образом, сочетание заявленных культурного плюрализма и религиозного мо-

нополизма, цивилизационного измерения и политической формы воплощения «Русского мира» оставляет широкое поле деятельности по совершенствованию предложенной док-

трины. Общую же конструкцию «Русского мира» в интерпретации РПЦ можно представить следующим образом:

Подходы	1) Цивилизационный 2) Геополитический
Основания Русского мира	1) Православная вера 2) Русская культура и язык 3) Общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие 4) Единая система ценностей
Страны (границы)	1) «Ядро»: – Россия – Украина – Беларусь 2) «Периферия» – Молдова – Казахстан – «другие страны исторического пространства Руси» – «восточнославянские страны-наследницы исторической Руси» 3) Перспектива: «Страна Русского мира» 4) Идеал: «высший, всечеловеческий уровень общественного бытия»
Угрозы	1) «Имущественная пропасть» 2) «Антирелигиозные гонения, преследования людей за мирно выражаемые убеждения, подавления гражданских свобод» 3) «Агрессивный секуляризм» 4) «Воинствующий антиклерикализм» 5) «Плавильный котел»
Враги	1) «те, кто...» 2) «властные политические и экономические центры» 3) «противники, которые пытаются в России видеть врага» 4) «наши противники, в том числе националистические настроенные силы на Украине» 5) «эти люди из иного лагеря»

«Русский мир»: реалии белорусского общества в репрезентации студенческой молодёжи.

Как уже было сказано, одним из главных оснований Русского мира, помимо православной веры, по мнению главы РПЦ, является общая историческая память: «У наших народов присутствует сильное сознание непрерывности и преемственности русской государственной и общественной традиции, начиная со времени Киевской Руси и заканчивая нынешней Россией, Украиной, Белоруссией».

В этой связи одной из задач исследования

стало выявление оценок белорусской студенческой молодежи фактических места и роли православия и РПЦ в общей исторической памяти, национальном самосознании и менталитете белорусского народа, а также в современных политических процессах. Методологической базой исследования¹ выступили анкетный опрос, а также ассоциативный эксперимент. Опрос

1 Исследование выполнено в рамках темы НИР «Выявление ценностных ориентаций молодежи и механизмы ее масштабного привлечения к государственному строительству», утвержденной Администрацией Президента Республики Беларусь (№ госрегистрации 20140192).

проводился в высших учебных заведениях пяти белорусских областных центров: Минске, Бресте, Могилеве, Витебске и Гродно. Студенческая молодежь представлена тремя самыми популярными в Республике Беларусь специальностями: правоведение (государственное управление и право), экономика и управление на предприятии (государственное управление и экономика), информационные технологии (управление информационными ресурсами). Общий объем выборки составил 1281 человек. Отбор респондентов осуществлялся на основании их самоидентификации с одной из традиционных для Беларуси христианских конфессий (православия и католицизма).

Белорусские студенты высоко оценивают суверенитет и независимость Республики Беларусь, самобытность национального менталитета, являющихся для нее безусловной ценностью. Основу же белорусского менталитета, по мнению респондентов, составляют такие качества, как: терпимость (67,5%), трудолюбие (50,9%) и толерантность (49,1%). Приверженность белорусов христианским ценностям и духовность отметили лишь 5,3% респондентов.

Говоря об исторической преемственности, решающими факторами в формировании национального менталитета студенты считают исключительно Новейшее время: обретение в 1991 г. Республикой Беларусь независимости, предшествующие независимости советский период и эпоху перестройки (65 и 45,6% соответственно). Периоды пребывания белорусских земель в составе Киевской Руси и Российской Империи, а также в составе Великого княжества Литовского значимыми для белорусской государственности считают 9,6%, что дает основание предположить достаточно поверхностное отношение молодежи как к генезису белорусского менталитета и государственности, так и к значимости указанных факторов для современного этапа развития страны. Здесь же следует отметить, что, оценивая уровень национального самосознания, около трети респондентов обозначили его как низкий (33,3%) и средний (46,8%).

В то же время внешнеполитические ориентации конфессионально ориентированной студенческой молодежи однозначны – 76,3% главным направлением развития внешней политики Республики Беларусь считают укрепление связей с Россией. Однако, помимо общей культуры двух славянских народов, связыва-

ется это направление с экономической целесообразностью: зависимостью белорусской экономики от импорта российских энергоресурсов, единым торгово-экономическим пространством и перспективными рынками сбыта. Такие социокультурные факторы, как общий государственный (русский) язык, общие история, христианские ценности и т.п. являются для респондентов малозначимыми, выявляя тем самым, с одной стороны, жесткий прагматизм студенческой молодежи, с другой – в некоторой степени ее традиционализм. Что касается ассоциативного ядра (частоты повторяемости ассоциаций), то Россия ассоциируется с предсказуемыми атрибутивными концептами «Путин», «Кремль», «Москва», а также безэмоциональными «страна», «сосед» и «нефть». Такие ассоциации, как «друг», «поддержка», «защитник», хотя и присутствуют, но являются единичными.

Отношение к Украине характеризуется ярко выраженной двойственностью восприятия. Ведущей ассоциацией, помимо «Киева», предсказуемо стала «война» и родственные ей «хаос», «беспредел», «страшно», «безвластие». Вторая устойчивая ассоциация – «соседи» («друзья», «братья»). Причем, в отличие от прагматичного образа России, восприятие Украины преимущественно яркое, позитивное, эмоционально-образное («патриотизм», «море», «красота», «Днепр», «подсолнухи», «солнце»).

В то же время, при всем многообразии ассоциативных рядов, насчитывающих до нескольких сотен ассоциаций в отношении России, Украины и Беларуси вместе взятых, присутствует лишь одно упоминание о православии. Отсутствуют и какие-либо родственные ассоциации (церковь, вера, духовность, традиция и т.п.). Само же православие ассоциируется с «верой», «храмом» и «богом», а также стереотипным набором таких атрибутов «народного православия», как: «свеча», «икона», «верба», «пост», «старушки», «священники». Иисус Христос в данном ряду оказался единичной ассоциацией.

Среди социально-политических институтов, наиболее эффективных в налаживании интеграционных процессов, Церковь заняла последнее место, так как, по мнению 55% респондентов, она призвана решать иные, неполитические задачи. Возможно, это объясняется также и тем, что в настоящее время идеологические доктрины традиционных конфессий,

изначально выступая в качестве противопоставления (восточного – западному, нематериального – материальному, общего – личному и т.п.), трансформируются в инструмент формирования образа «врага» (Европы, либеральных ценностей, индивидуализма и т.д.).

Обращает на себя внимание и цельность ценностного фундамента конфессионально ориентированных студентов. Два блока ценностей (религиозных и либеральных), традиционно противопоставляемых друг другу, оцениваются респондентами в равной степени позитивно.

Ассоциативный эксперимент выявил равнозначность для опрошенных как основных религиозных идеологических трендов (духовность, коллективизм, традиционализм), так и светских конституционных принципов развития России и Беларуси (индивидуализм, права человека, демократия). Так, индивидуализм, вопреки активно внедряемому в общественное сознание стереотипу его инородности для славянского менталитета, имеет четко выраженное позитивное «ассоциативное ядро» и ассоциируется в первую очередь с «личностью» и «самобытностью». Коллективизм воспринимается через родственные ассоциации («команда», «единомыслие», «группа», «коллектив»).

Что касается непосредственно идеи Русского мира, то практически равные значения набрали такие ее разноплановые характеристики, как: а) утопии (20,4%), б) перспективного направления внешнеполитического развития страны (19,4%), в) утраты независимости и суверенитета Республики Беларусь (19,3%). Наибольшее значение (21,3%) оказалось у варианта: «Беларусь – самобытное государство со своей уникальной культурой, языком, традициями и ценностями, ей не нужно ни с кем объединяться». Оценка Русского мира как «возвращения к историческим и культурным истокам, общему прошлому славянских народов» заняла последнее место.

Подтверждением «размытости» идеи Русского мира в сознании белорусских студентов выступают и данные ассоциативного эксперимента, характеризующиеся множественными разрозненными ассоциациями и отсутствием «смыслового ядра». Довольно обширный ассоциативный ряд можно охарактеризовать как абстрактный и в целом позитивный («единство», «дружба», «сила», «правильный»,

«союз»), хотя в нем присутствуют и такие негативные ассоциации, как «сказка», «отсталость», «разобщение».

Подводя краткий итог, можно сделать следующие выводы:

В идеальной перспективе «Русский мир» в версии Патриарха Кирилла видится аналогом Византийской цивилизации, новым «Четвертым Римом», который собрал бы «страны русского мира» в глобальный цивилизационный проект, суть которого кратко можно обозначить как компромисс между религиозным монополизмом и культурным плюрализмом. В качестве главных оснований «Русского мира» соответственно заявлены: православная вера, русская культура и язык, общая историческая память и единая система ценностей. В реальной перспективе проект «Русского мира» предполагает декларацию своего цивилизационного измерения с фактическим воплощением в конкретной политической форме.

Проведенные нами исследования дают основание предположить, что в настоящее время у белорусской студенческой молодежи нет осмысленного представления как о самой идее «Русского мира», так и о возможных перспективах ее реализации. В числе значимых оснований «Русского мира» пока можно назвать только общий (русский) язык. Значительное расхождение в оценках восприятия трех других оснований «Русского мира» (православная вера, историческая преемственность и единая система ценностей), а также отсутствие ассоциативного ядра по предложенным позициям свидетельствует о том, что у студенческой молодежи эти представления пока либо вообще не сформированы, либо слабо структурированы, т.е. не являются значимыми в ее ценностно-мотивационной системе.

Насколько проект «Русского мира» востребован на постсоветском пространстве и адекватен его социокультурным и современным политическим реалиям, возможно ли его перемещение из области политического мифотворчества в тонкий мир реальных объединяющих начал, зависит от множества факторов и условий. Основным из них видится способность творцов предложенной доктрины к ее критическому осмыслению и переходу от перманентного поиска «врага» и идеалов противостояния Запада и России к направлению мирного и созидательного развития стран и народов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXIII Международных Рождественских образовательных чтений. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3957820.html> (дата обращения: 09.04.2015)
2. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html> (дата обращения: 09.04.2015)
3. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии IV Ассамблеи Русского мира. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1310952.html> (дата обращения: 09.04.2015)
4. «Слово пастыря». Выпуск от 6 сентября 2014 года. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3728242.html> (дата обращения: 09.04.2015)
5. Святейший Патриарх Кирилл: Русский мир – особая цивилизация, которую необходимо сберечь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html> (дата обращения: 09.04.2015)
6. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Всемирного русского народного собора. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html> (дата обращения: 09.04.2015)
7. Предстоятель Русской Православной Церкви встретился со слушателями Высших дипломатических курсов Дипломатической академии МИД РФ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1322398.html>. (дата обращения: 15.06.2015)
8. Черенков М. «Православная армия» против «униатов, раскольников и сектантов»: идеология и террор «русского мира». URL: <http://www.religion.in.ua>. (дата обращения: 13.04.2015)

REFERENCES:

1. Report of Patriarch Kirill at the opening of the XXIII International Christmas educational readings. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3957820.html> (date of access: April 9, 2015).
2. Speech by Patriarch Kirill at the opening of the III Russkiy Mir Assembly. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html> (date of access: April 9, 2015).
3. Speech by Patriarch Kirill at the opening of the IV Russkiy Mir Assembly. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1310952.html> (date of access: April 25, 2015).
4. «The pastor's word». The release of 6 September 2014. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3728242.html> (date of access: April 25, 2015).
5. Patriarch Kirill: Russian world – a special type of civilization that should be preserved. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html> (date of access: April 9, 2015).
6. Speech of Patriarch Kirill at the opening of the XVIII world Russian people's Council. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html> (date of access: June 15, 2015).
7. The head of Russian Orthodox Church meets with students of the Diplomatic Academy of the Ministry of internal affairs of Russia. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1322398.html> (date of access: June 15, 2015).
8. Cherenkov M. «Orthodox army» against the «Uniates, dissenters and sectarians»: ideology and terror of the «Russian world». URL: <http://www.religion.in.ua> (date of access: April 13, 2015)

УДК 316.75

*Истомин А.Г.,
Лебедев С.И.*

**ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА БЕЛГОРОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Истомин Александр Георгиевич, ведущий документовед
Центра профессиональной карьеры Управления маркетинга образовательных услуг
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия; *E-mail: motzi@rambler.ru*
Лебедев Сергей Дмитриевич, кандидат социологических наук,
профессор Института управления
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия; *E-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Статья содержит краткую характеристику локальной идентичности городского сообщества города Белгорода, полученную в результате качественного этапа социологического исследования (методом фокус-групп). В основу теоретической модели локальной идентичности положены разработки П.Л. Крупкина, осуществлённые в русле традиции Э. Дюркгейма. В качестве основных элементов локальной идентичности рассматриваются: значимые места (включая символический центр); представления о локальной географии (средне- и крупномасштабной); символические ценности локальной идентичности; мифы самостояния / гордости собой; ритуалы воспроизводства идентичности; пантеон героев – реальных и мифических; представления о структуре сообщества: ядро («элита»), границы, составляющие (страты, сегменты).

Ключевые слова: локальная идентичность; Белгород; городское сообщество; коллективные представления; ритуалы.

*Istomin A.G.,
Lebedev S.D.*

**THE LOCAL IDENTITY OF PEOPLE LIVING
IN THE CITY OF BELGOROD (BASED ON THE
MATERIALS OF A QUALITATIVE RESEARCH)**

Istomin Alexander Georgievich, *Leading Records Manager, Center for Professional Career, Board of Marketing of Educational Services*
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: motzi@rambler.ru
Lebedev Sergey Dmitrievich, *PhD in Sociology, Professor of the Institute of Management*
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru

АБСТРАКТ

The article contains a brief description of the local identity of the urban community of the city of Belgorod, the resulting qualitative stage of sociological research (focus groups). The theoretical model of the development of local identity is based on the works of P.L. Krupkina performed in the tradition of Emile Durkheim. The main elements of local identity considered in the article are: significant places (including the symbolic center); understanding of the local geography (medium- and large-scale); symbolic values of local identity; myths samostoyaniya / pride of themselves; rituals of reproduction of identity; pantheon of heroes – real and mythical; ideas of the structure of the community: the core («elite»), borders, constituents (strata segments).

Keywords: local identity; Belgorod; urban community; collective representations; rituals.

Проблемы, связанные с обширным, многогранным и многоплановым феноменом идентичности в последние годы достаточно активно привлекают к себе внимание исследователей самых разнообразных социокультурных феноменов. Так, в науке рассматриваются различные аспекты профессиональной, социальной, этноязыковой, гендерной, возрастной, пространственно-территориальной и целого ряда других идентичностей. Понятие «идентичность» в настоящее время является одним из самых востребованных современным социально-гуманитарным знанием. Первоначально возникнув в рамках психологии личности, затем оно распространилось на смежные, в т.ч. социологические науки, где стало означать результат идентификации человека с какой-либо социальной группой или общностью.

В контексте социологии проблема идентичности связана, прежде всего, с феноменом и категорией социальной солидарности. Соответственно, идентичность рассматривается как явление прежде всего коллективное. По определению П.Л. Крупкина, коллективная идентичность – «это психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самосоотнесение к какой-либо группе / общности, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения из нее, критерии различения «свой / чужой» для данной группы» [7, с. 122]. Мы определяем её как категорию самосознания социального субъекта, выражающую его осознанную принадлежность к некоторому социальному единству (группе, общности, сообществу, социуму). Идентичность выражается в относительно целостном комплексе представлений, оценок и поведенческих императивов, носящем характер частично явного, частично неявного (но подлежащего выявлению социолого-психо-антропологическими методами) социального знания (С.Д. Лебедев).

Механизм коллективных идентичностей (social identity) является одним из механизмов солидаризации индивидов [10]. Согласно классическим теоретическим положениям Э. Дюркгейма, он имеет двоякую природу, сочетая аспект коллективных представлений и аспект ритуальных действий [см.: 6, с. 201-

202]. Соответственно, структура социальной идентичности включает не только когнитивный компонент (процесс и результат самокатегоризации, понимания человеком себя в контексте и терминах соотношения с определенной социальной группой), но и аффективный и поведенческо-регулятивный компоненты – от чувства привязанности и преданности «своим», готовности разделять практики, принятые в сообществе, до обязательств совершать поступки, вытекающие из ценностей и норм, разделяемых данной группой.

Локальную идентичность традиционно относят к одному из уровней территориальной идентичности. Территориальная идентичность – это переживаемое или осознаваемое чувство территориальной принадлежности человека, определенная субъективная социально-географическая реальность. Она связана со стереотипными установками восприятия, интерпретации и оценки человеком и группой социальных ситуаций и событий. Территориальная идентичность проявляется и фиксируется на различных уровнях – это и государственная идентичность, республиканская, региональная (провинциальная). Локальная идентичность, в интерпретации авторов, выступает как один из видов территориальной: это идентификация человека (группы) с местным сообществом, традиционно тесно сопряжённая с чувством любви к «малой родине», чувство сопричастности по отношению к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания (города, района, поселка, села, микро-района). Актуальность её изучения связана с отмечаемым исследователями повышением значимости данного вида идентичности в массовом сознании жителей России в начале XXI столетия. Как констатирует П.М. Козырева, «одним из подтверждений этого является последовательное увеличение долей респондентов, идентифицирующих себя... с жителями своего города, поселка или села (часто – 39,9%; редко – 47,9%)» [4, с. 32]. Указанные различия, по её мнению, объясняются тем, что «в меньших общностях теснее социальное взаимодействие и прочнее связи между индивидами. Такое взаимодействие в большей мере опирается на эмоциональное отношение, тогда как при соотношении

с крупными социальными объектами возрастает роль рационального и рефлексивного отношения» [4, с. 32]. В тоже время, если речь заходит о региональном центре, каким является Белгород, не менее значимой представляется его саморефлексия на социокультурном уровне [3].

Методика проведения исследования¹.

Изучение локальной идентичности жителей города Белгорода было ориентировано на разрешение **проблемы**, интерпретируемой как противоречие между знанием о существовании идентичности белгородцев как социального факта и недостаточным знанием о её содержательных основаниях.

Объект качественного этапа исследования включал две укрупнённые социальные группы:

а) Основная группа – взрослое население (старше 30 лет): гуманитарная интеллигенция – работники культуры, писатели, краеведы, преподаватели гуманитарных дисциплин в вузах, библиотекари; интеллигенция социальной сферы – учителя, врачи; инженерно-техническая интеллигенция – инженерные работники, руководители цехов и подразделений промышленных предприятий; предприниматели – представители малого и среднего бизнеса; публичные лидеры общественного мнения – политики, популярные журналисты;

б) Контрольная группа – студенты высших учебных заведений г. Белгорода социогуманитарных, естественнонаучных и инженерно-технических специальностей и направлений подготовки.

Предметом изучения в рамках качественного этапа исследования являются основные компоненты локальных коллективных идентичностей жителей города. Методом сбора эмпирической информации было выбрано групповое фокусированное интервью.

1 Методика исследования разработана и апробирована С.Д. Лебедевым, И.В. Задориным, П.Л. Крупкиным и Р.В. Евстифеевым в рамках проекта «Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля», 2014-2015 (проект осуществлен на средства государственной поддержки, полученные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 №11-рп и на основе конкурса, проведенного ИСЭПИ).

Метод фокус-групп относится к «качественным» методам сбора информации. Применение данного метода предполагает тематически фокусированную групповую дискуссию под руководством модератора. Фокус-групповое исследование было применено нами на первом этапе реализации исследовательской программы как оперативный и высокоэффективный метод сбора социологической информации, позволяющий получить широкий спектр мнений и оценок, характеризующий реальное самосознание современного белгородца в плане его локальной идентичности.

В апреле 2015 г. в городе Белгороде были проведены 2 дискуссионные фокус-группы (ДФГ), по одной для каждой из двух указанных категорий социально активного населения. Предполагалось, что групповое фокусированное интервью позволит получить базовый набор высказываний и оценок (ценностных суждений, идеологием, мифологием, символами), которые с большой вероятностью составляют смысловое содержание коллективной идентичности горожан. Соответственно, основной **целью** проведения дискуссионных фокус-групп была вербализация потенциальных оснований локальной идентичности белгородцев, предполагающая последующую проверку их реальной распространенности среди населения в ходе количественного исследования.

В рамках **гипотезы исследования** мы предположили возможность достаточно полного описания психосоциального комплекса локальной городской идентичности через следующие базовые структурные элементы:

Значимые места (включая символический центр);

Представления о локальной географии (средне- и крупномасштабной);

Символические ценности локальной идентичности;

Мифы самостояния / гордости собой;

Ритуалы воспроизводства идентичности;

Пантеон героев – реальных и мифических;

Представления о структуре сообщества: ядро («элита»), границы, составляющие (страты, сегменты) [8, с. 37].

Итоговый конструкт в целом системно изоморфен идеальному типу, описанному в

классической работе Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» под названием «тотемическая триба» (totemic band) [9].

Белгородская локальная идентичность: предварительная картина.

На основе данных, полученных в ходе фокусированного группового интервью, можно зафиксировать следующий предварительный абрис белгородской локальной идентичности.

Символический центр и другие значимые места. Основными «центральными местами» Белгорода и окрестностей для горожан являются: городские парки, Диорама «Прохоровское поле», Соборная площадь (бывш. Площадь Революции – центральная площадь города). В свою очередь, студенты отдали большее предпочтение площади напротив НИУ «БелГУ» (новая площадка). Не раз упоминались в обеих группах: смотровая площадка у памятника князю Владимиру, дуб в поселке Дубовое (по преданию, посаженный Б. Хмельницким, но связанный молвой и с именами посещавших город российских императоров Петра I и Екатерины II); различные торгово-развлекательные центры («Гринн», «Рио», «Сити Молл»), появившиеся в последнее десятилетие и завоевавшие себе большую популярность среди всех поколений белгородцев. Характерно, что можно считать отчасти подтвердившейся (на студенческой ДФГ) высказанную ранее гипотезу о «двоецентрии» Белгорода: его вторым, «домашним» полюсом выступает Харьковская гора – с 1970-х гг. территория наиболее интенсивного гражданского строительства (спальные районы) и благоустройства [8, с. 38]. «Для меня центр – это князь Владимир и проход к Технологу». «Центральная площадь и еще, наверное, для меня это район кинотеатра Русич, «Линия», ну тот район Королева – Ватутина. – Почему? – Ну, на мой взгляд, это два таких района, наверное, самых посещаемых районов города».

Локальная география. На вопрос о субъективной макрогеографии Белгорода – об отношении положения города к «мировым и страновым центрам» – самыми популярными ответами участников фокус-групп стали: «Белгород находится на границе с

Украиной» и «рядом Харьков». Это вполне соответствует предварительной гипотезе, основанной на известном «общем мнении» о тесной связи Белгорода с Харьковом, имеющем прочную историческую и географическую объективную основу. «Ну, для иностранцев самый понятный ответ, может, будет не сама граница Украины, российско-украинской – это город Харьков. Потому что Харьков, он более знаменит и известен, Белгород – он как-то, я скажу так, он стал известен где-то лет 15 только назад как стал очень известный, до этого что есть город Белгород даже никто и не знал. Я всю Россию и Германию прошел, проехал, но никто о нем не знал. Поэтому лучший вариант – 80 километров от Харькова на восток. По трассе Москва – Симферополь. Которую строили военнопленные». Так же респонденты неоднократно говорили, что Белгород находится «в Центральном Черноземном районе»; упоминался соседний Курск (при этом характерно, что в старшей группе, в отличие от студентов, совершенно не упоминался официальный центр российского Черноземья Воронеж, также находящийся по соседству). Окрестности Белгорода (субъективную мезогеографию) респонденты описывали так: «Вокруг города – деревеньки, река Северский Донец, меловые горы и КМА-руда». Неоднократно в качестве символически важных «привязок» отмечались Прохоровское поле, а также «множество коттеджей» вокруг города; упоминалась как отличительная черта поселковая агломерация (Северный, Дубовое, Разумное).

Символические ценности местного сообщества. Здесь можно наблюдать переплетение исторических и современных мемов массового сознания, традиционно связанных с позитивной самопрезентацией областного центра и региона в целом. При этом исторические смыслообразы несколько преобладают, а современные связаны в основном с материальным производством: «Ну что, во-первых, южный рубеж был, это форпост, казаки были, это уже ихние заслуги, ихнее мужество и прочее, то есть какую-то они дали историю, знания, значения. Дальше это Курская магнитная аномалия, у нас одна руда в общем-то вторая, по-мо-

ему, в мире. Их два месторождения в мире: одно у нас, а другое, по-моему, в Бразилии. Ну и Стойленский ГОК, та же сталь. А до этого 43-й год, знаменитое Прохоровское поле, танковый перелом войны, в общем-то танковой битвы». Большую значимость как для молодых, так и для старших респондентов имеет Великая Отечественная война и её герои: «Ну я опять-таки говорю, что это город воинской славы, что много героев ВОВ белгородцев сражались, ну и все». Вообще значение Прохоровского поля особо подчёркивалось участниками обеих ДФГ: «мне кажется вот нужно приучать, да и в принципе это в учебниках в истории есть – это не сам Белгород, а Прохоровка и Прохоровское сражение, я думаю, можно привести, географические местоположения близко, поэтому люди должны знать, что Третье ратное поле России находится в Белгородской области». Упоминались также современные торговые марки (майонез «Слобода», конфеты «Славянка», молочная продукция).

Отдельно имеет смысл упомянуть в данном контексте историческую фигуру Крестителя Руси князя Киевского Владимира «Красно Солнышко». Его историческая связь с Белгородом не подтверждается документами и основана главным образом на тождестве топонимов Белгорода на Донце и Белгорода под Киевом [2]. Однако легенда об основании Владимиром Святославичем Белгорода, «раскрученная» в первой половине 1990-х гг. энтузиастами-краеведами и принятая местными властями, закрепились в массовом сознании, став особенно популярной среди молодёжи. Эта легенда некритически воспроизводилась в студенческой ДФГ и критически – в старшей: «Я думаю, что сам князь Владимир, его роль в истории города в обывательском сознании была сильно претерпела серьезные изменения. В общем-то сегодня уже многие говорят, что князь Владимир – это основатель города запятая первый князь города запятая и так далее. Даже такие вещи существуют в массовом сознании. Да».

Мифы самостояния. «Чистый город» – самый популярный ответ респондентов на вопрос о том, как они могут описать Белгород. Отвечающие неоднократно

подчёркивали, что люди в Белгороде гордятся чистотой своего города: «...ну, наверное, среди других городов выделяется чистотой очень Белгород, и все белгородцы этим гордятся, мне кажется так». «Ну первым таким которым наиболее ярким – это уровень загрязненности. То есть я думаю, что неспроста, допустим, занимаем лидирующие позиции в плане экологии. У нас чистый город. Ну я думаю, что это отличает». В целом о городе респонденты в обеих фокус-группах высказывались положительно: «красивый», «социально-благоприятный», «тихий». Отмечались косвенно заслуги в этом руководства региона и города: «вот в Белгороде очень много направлено на сохранение экологии, на социальное развитие, на экономическое очень развитие по сравнению с многими другими регионами страны».

Студенты особо отмечали, что в Белгороде очень много кофеен, кальянных и пиццерий; один из респондентов даже назвал город Белгород – «Пицгород».

«Белгород в общем то – это такое что-то очень спокойное, тихое, благополучная гавань на фоне более беспокойных регионов, а мне нравится одно словосочетание: «Белоруссия в миниатюре»... я слышал такое выражение, меня оно зацепило от мурманчан».

В целом респонденты отмечали как яркую черту Белгорода: «город маленький», и в этой связи респонденты старшей ДФГ упомянули популярную среди белгородцев поговорку «Белгород – это большая деревня» («большая деревня» – так как «здесь все друг друга знают»).

В то же время это обстоятельство воспринимается горожанами скорее в позитивном плане: «...живу всю жизнь в этом городе и поэтому ну очень много знакомых, если вот поговорить с кем-то, обязательно найдутся в каком-то, ну все равно найдутся какие-то общие знакомые. Здесь все родное. Все своё».

Что касается ответов относительно антропологических характеристик самих жителей города, то респонденты фиксировали, прежде всего, социально-культурные особенности белгородцев: «манеры, культура пове-

дения совершенно разные; вот допустим белгородцы – жители центральной России, а так же и Сибири и Урала, просто объездил всю Россию, есть с чем сравнить. Люди разные совершенно»; «Люди здесь другие». Чаще всего участниками фокус-групп упоминался характерный акцент произношения белгородцев (фрикативное «ГЭ» и «ШО»). «Ну я продолжу мысль, в качестве шуточной – нешуточной, но все-таки отличает белгородца это наше знаменитое «ХГЭ»: «я БелХГОродец», и это прослеживается как раз, это связано с тем, что многие коренные белгородцы – выходцы из сельской местности, потому что город неоднократно до нуля рушился и заново восстанавливался, это в первую очередь».

Наследие сельского уклада жизни и крестьянской психологии у белгородцев проявляется в их массовой любви к земле, к сельскому хозяйству (что отмечалось почти исключительно участниками старшей возрастнойДФГ). «Ну, я бы отметила черту земледельца: у нас земледельцы, землепашцы очень многие белгородцы. Страдают и дачными угодьями, поселениями, поэтому эта черта, и картошка – у нас у всех картошка».

Также у жителей Белгорода в их массе респонденты отмечали и отрицательные стороны. Как утверждали участники фокус-групп, «Люди здесь злые» и эгоистичные: «...самое частое прилагательное, которое я слышу – это слово ЗЛЫЕ. Говорят, что уровень агрессии выше, чем вот, в межличностном общении, по мнению многих людей, выше, чем среднее по стране, говорят: «А у вас в Белгороде люди злее, чем у меня в Москве». – Как же в Москве, Москва большой гигантский город? – говорит, нет, у нас другое, у нас равнодушные, у вас прибегут и помогут, если кто-то в лужу упадет, но вот при этом злые, понимаете, вот как бы это очень сложно...»; «Я говорю: в чем проявляется то, что они другие? – Они уважают себя в первую очередь, и неуважение к ближнему, так скажем». На наш взгляд, к историко-генетическому объяснению причин таких особенностей социальной психологии белгородцев близок краевед и блоггер М. Койнов: «Первое столетие территория

современной Белгородчины была скорее военным образованием, нежели какой-то исторически сложившейся общностью людей. Из истории мы помним – Дикое поле с его дорогами, по которым крымско-нагайские конницы вторгались на территорию Российского царства с единственной целью – грабежа и захвата пленных. И в города Белгородской засечной черты отправлялись люди, которые ежедневно подвергали свою жизнь риску. Отсюда берет свои истоки воинственность населения, недоверие к чужакам, четко отлаженная схема распознавания людей по принципу «свой-чужой». Здесь же можно увидеть принцип, по которому «мой дом – моя крепость», чем выше забор вокруг жилища – тем безопаснее. Каждый, кто отправлялся жить в эти края, строил свой собственный, «лучший» мир, каждую минуту окруженный внешними врагами» [5].

Ритуалы воспроизводства локальной идентичности. Самыми важными праздниками города респонденты считают День Победы (9 мая) и День освобождения города от немецко-фашистских захватчиков (День города – 5 августа). Нередко упоминались также Новый год и Масленица. Следует отметить, что это «стандартный» набор общегородских праздников для российских городов, среди которых Белгород в данном плане не выглядит исключением. В целом же ритуалы воспроизводства общегородской локальной идентичности Белгорода почти не выходят за рамки этих праздников, хотя участникамиДФГ, особенно молодежной, упоминались и другие массовые празднества: Масленица, День Знаний 1 сентября возле НИУ «БелГУ», семейный конкурс «Родительский рекорд», популярный в городе в последние несколько лет Фестиваль воздушных шаров и некоторые другие.

«Пантеон героев» Белгорода. Здесь доминируют политики и спортсмены. Во главе списка здравствующих символически значимых для горожан лиц в обеихДФГ предсказуемо оказался губернатор области Е.С. Савченко. Сразу за ним следуют известные спортсмены – С. Хоркина, Ф. Емельяненко и Волейбольный клуб «Белогорье», баскетболист Алексей Швед; фонд «Поколение» и А. Скоц (обе группы), мэр города в

1990-е гг. Г.Г. Голиков (старшая группа). «Да, ну я Евгения Степановича Савченко, у меня сразу подразумевается наш губернатор, так же волейбольная команда и ее игроки бессменные Сергей Тетюхин Тарас Хтей, Дмитрий Мусерский, Дмитрий Ильиных». Среди исторических героев города в обеих ДФГ особо подчёркивалось значение обобщённой группы «солдаты Великой Отечественной войны», из которой выделяется первый освободитель города танкист А.И. Попов. Также участники обеих фокус-групп выделили уроженца области полководца Великой Отечественной войны генерала Н.Ф. Ватутина, известного руководителя сельского хозяйства В.Я. Горина, знаменитого инженера В.Г. Шухова, знаменитого актёра М.С. Щепкина; в старшей группе отмечали также руководителей области в советское время М.П. Трунова и А.Ф. Пономарёва. Из числа имён знаменитых исторических личностей в данной связи упоминались также: Екатерина II, Богдан Хмельницкий, епископ Иоасаф (Горленко). Примечательно, что в числе «культурных героев» местного сообщества практически не были названы деятели культуры: художники, писатели, артисты, музыканты, просветители – хотя как среди исторических, так и среди современных белгородцев есть вполне известные и заслуженные представители этих профессий (среди наиболее известных в XX-XXI вв. – художник С.С. Косенков, писатели Ф.И. Наседкин, О.Е. Кириллов, философ Ю.Ю. Вейнгольд). К огромному сожалению, не были упомянуты и белгородские краеведы – в том числе знаменитый в городе и за его пределами, почётный гражданин Белгорода Александр Николаевич Крупенков (1951-2013), сделавший исключительно много для сохранения исторических памятников города и воспитания культурного самосознания белгородцев [1].

Представления о структуре сообщества. Что касается структуры и границ локального сообщества города Белгорода, то в данной связи респонденты выделяли:

– из числа «своих»: студенческие отряды; волонтеров (их подчёркивали главным образом студенты); «культурное ядро» (работников музеев, галерей и т.д.), спортсменов и «хипстеров по-белгородски». К последним

относятся молодые представители современных «креативных» профессий, ставшие заметными на фоне общегородского сообщества в последние несколько лет. «Я бы сказал, что есть некая часть молодежи, которая является сплочённой, но я бы сказал так, что они далеко не вся, есть некая сплочённая среда, я бы их назвал, в кавычках, конечно, «хипстерами по-белгородски», то есть лишенными вот этой вот столичной пригламурности, но все таки, не в хорошем, не в плохом смысле, но вот действительно в некотором смысле вот таких своеобразных тоже тусовщиков, которые интересуются, там, урбанистикой, являются сейчас представителями творческих, околотворческих профессий: журналисты, архитекторы, юристы существуют и так далее. В общем-то ходят с ноутбуками, пасутся в кофейнях, а не в пивных, условно говоря, и так далее». Характерно при этом, что и в старшей ДФГ почти, а в молодёжной ДФГ совсем не упоминались работники довольно многочисленных промышленных предприятий города, однако в старшей фокус-группе упоминались обычные, «безымянные» труженики Белгорода: «помимо фамилий, я бы назвал просто обычных труженников, тех, кто строит, кто убирает, кто облагораживает, делает порядки, просто обычных людей».

– из числа «чужих»: обобщённую категорию «приезжие люди»; «северяне»; «носители исламской культуры»; «цыгане»; в студенческой ДФГ отмечали отдельно студентов – китайцев, африканцев и иранцев: «но я не расист конечно, но мне не нравятся иранцы – они ничего плохого не делают, у них просто цвет кожи, как-то неприятно»; «И. сказал про иранцев, а вообще про студентов-иностранцев, как китайцы, африканцы – они как бы живут в Белгороде с нами, но в тоже время живут в своем маленьком мирке отдельном». Следует отметить, что заметная в местном сообществе категория «северяне» – приезжие жители заполярных регионов страны, выработавшие «северный» трудовой стаж и «осевшие» в понравившемся им городе, как правило, воспринимается респондентами благожелательно, в отличие от остальных катего-

рий «пришельцев»: *«Ну опять-таки часто слышу: понаехали тут северяне мажоры, хотя люди не задумываются о том, что реально лет десять-пятнадцать назад город был деревней, потом приехали северяне, и начал как-то жизнь. Вот куда-то сходить теперь есть».*

Таким образом, обобщая самохарактеристики локальной идентичности Белгорода, полученные в результате качественного этапа социологического исследования методом фокус-групп, мы имеем основания для следующих предварительных выводов. Город в сознании его жителей символически традиционно «центрируется» вокруг площадей (во главе с центральной городской площадью) и парков; немногочисленных культурно-исторических достопримечательностей (Диорама «Прохоровское поле», исторический дуб в пригороде Белгорода пос. Дубовое); в последние годы этот список активно дополнили новые торгово-развлекательные центры (моллы). Символические ценности белгородцев связаны, главным образом, с ключевыми для города моментами истории, в основном военной (центр южного рубежа обороны в конце XVI-XVIII вв.; Прохоровское танковое сражение в Великую Отечественную войну – июль 1943 г.), и отчасти с производственными успехами тяжёлой (горнодобывающей) промышленности времён СССР и пищевой промышленности последних лет; значима в этом контексте также современная квазиисторическая легенда об основании города князем Владимиром Крестителем. Локальная макрогеография города субъективно привязана, в основном, к соседней Украине «в лице» г. Харькова, Курску и Москве; микрогеография описывается через пейзаж меловых гор, реки Северский Донец, «деревенек», коттеджей и знаковых в мировом масштабе локусов Прохоровского поля и КМА-руды. К мифам самостояния белгородского сообщества относятся: чистота, красота города, его благополучие, а также сохраняющиеся в массе и имеющие большое социальное значение неформальные

связи между горожанами. Последнее связано с тем объективным обстоятельством, что Белгород – сравнительно молодой город, можно сказать, что его в значительной мере «наполняют» приезжие люди; в городе, по мнению участников фокус-групп, до сих пор сложно найти местных жителей в третьем поколении, так как Белгород был почти полностью разрушен во время Великой Отечественной войны – в основном в нём проживают выходцы из деревень, их дети и внуки (респонденты старшего поколения делали акцент на том, что «в белгородцах наблюдаются черты сельских жителей»). При этом белгородцам не чужда и довольно острая самокритичность («злость», эгоизм). В качестве основных ритуалов воспроизводства локальной идентичности выступают общезначимые праздники (главным образом, День города и День Победы, а также Новый Год); эта сфера городской жизни требует значительного развития. В плане «пантеона героев» городского сообщества из исторических личностей фигурируют сравнительно немногочисленные известные в стране и мире земляки (Н.Ф. Ватутин, В.Г. Шухов, М.С. Щепкин), солдаты Великой Отечественной войны; из современных – в основном политики и спортсмены, практически не представлены деятели культуры. В отношении субъективных оценок структуры и границ городского сообщества участниками ДФГ в нём выделялись в основном спортсмены и работники культурной сферы, а также инновационные молодёжные течения последних лет – студотряды, волонтёры, молодой креативный класс; сюда же включаются «натурализовавшиеся» в Белгороде в последние 20 лет «северяне»; за пределами же сообщества, при в целом толерантном к ним отношении, фиксировались группы «приезжих», в частности, студенты-иностранцы из стран Азии и Африки, носители исламской культуры и цыгане. Данные выводы составят основу гипотез следующего этапа исследовательского проекта – количественного выборочного опроса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александров А. По старому Белгороду с Крупенковым. URL: <http://www.literabel.ru/kultlifebel/800-in-old-belgorod-.html> (дата обращения: 16.06.2015)
2. Битюгин К.Е. «Тысячелетие Белгорода»: сколько же можно?! URL: <http://bitugin.narod.ru/statyi/1000.htm> (дата обращения: 16.06.2015)
3. Даргын-оол Ч.К. Культура как основа социального развития регионов России (на примере Тувы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 40-43.
4. Козырева П.М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в её формировании // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 29-39.
5. Койнов М. Белгородский менталитет // Гражданская журналистика. URL: <http://mkoinov.livejournal.com/93667.html> (дата обращения: 16.06.2015)
6. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009.
7. Крупкин П.Л. Россия и современность: проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М.: Флинта, 2010.
8. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа. // Социологический журнал. 2013. №4. С. 35-48.
9. Durkheim E. The elementary forms of religious life. New York: The Free Press, 1995.
10. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago: Chicago University Press, 1986. P. 7-24.

REFERENCES:

1. Aleksandrov A. A Tour of the old Belgorod with Krupenkov. URL: <http://www.literabel.ru/kultlifebel/800-in-old-belgorod-.html> (date of access: June 16, 2015).
2. Bityugin K.E. «The Millennium of Belgorod»: Give it a rest! URL: <http://bitugin.narod.ru/statyi/1000.htm> (date of access: June 16, 2015).
3. Dargyn-ool Ch.K. Culture as the Basis of Social Development of Regions of Russia (on the example of Tuva) // Humanities in Siberia. 2003. № 3. Pp. 40-43.
4. Kozyreva P.M. The Modern Configuration of Identification and the role of Trust in its Formation // Sociological researches. 2008. № 5. Pp. 29-39.
5. Koinov M. Belgorod Mentality // Citizen journalism. URL: <http://mkoinov.livejournal.com/93667.html> (date of access: June 16, 2015).
6. Collins R. Four Sociological Traditions. M.: Publishing House «Territory of the Future», 2009.
7. Krupkin P.L. Russia and Modernity: Problems of Compatibility: Essay of Rationalization. M.: Flinta, 2010.
8. Krupkin P.L., Lebedev S.D. By the Sacred Grounds of Local Identities in Today's Russia: the Experience of Structural Analysis. // Journal of Sociology. 2013. №4. Pp. 35-48.
9. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. New York: The Free Press, 1995.
10. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago: Chicago University Press, 1986. Pp. 7-24.

УДК 341.215.4 341.231.14

*Myakchilo S.A.***REFLECTION OF HUMAN DIGNITY
FROM THE DESCRIPTIVE TO THE
CONSTRUCTIVE APPROACH****Myakchilo Stepan Antonovich,***Researcher of the Center of Philosophical, Methodological and Interdisciplinary Research
The Institute of Philosophy, The National Academy of Sciences of Belarus
1/2 Surhanova Str., Minsk, 220072, Belarus; E-mail: velwetowl@gmail.com***АБСТРАКТ**

One of the most significant achievements of the «anthropological turn» of XIX-XX centuries philosophy, as well as of modern sociology, law and other disciplines is the development of the idea and images of human dignity as a value-ideological foundation of social development, a tool to cope with and manage conflicts in the society. Implicit contradictions of modern concepts of human dignity (undeveloped nature of dignity, mixing up the dignity and the assessment of merits, the primacy of the activity approach, etc.) hinder the implementation of the principle of dignity as a regulator of social practice. We need a new theory of dignity (may call it constructive theory), which is expected to replace the descriptive approach and aims to synthesize the idea and images of human dignity into a single value-rational and emotional complex supported by the mechanism of self-consciousness of the individual and the human community, and by the reflection of dignity.

Keywords: human dignity; activity approach; descriptive theory of human dignity; constructive theory of human dignity; self-perception; introspection; self-understanding; reflection of dignity.

*Мякчило С.А.***РЕФЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ДОСТОИНСТВА: ОТ ДЕСКРИПТИВНОГО
К КОНСТРУКТИВНОМУ ПОДХОДУ****Мякчило Степан Антонович, научный сотрудник***Центра философско-методологических и междисциплинарных исследований**Институт философии Национальной академии наук Беларуси**ул. Сурганова, 1, корп. 2, г. Минск, 220072, Республика Беларусь; E-mail: velwetowl@gmail.com***АННОТАЦИЯ**

Весомым достижением «антропологического поворота» философской мысли XIX-XX вв., а также современной социологии, теории права и др. дисциплин является разработка идеи и образа человеческого достоинства как ценностно-мировоззренческого основания социального развития, преодоления конфликтных ситуаций в обществе. Имплицитные противоречия современных концепций достоинства человека (неразработанность природы достоинства, совмещение достоинства с оценкой, примат деятельностного подхода и др.) затрудняют имплементацию принципа достоинства как регулятива социальной практики. Необходима новая (конструктивная) теория достоинства, которая должна прийти на смену дескриптивным подходам и призвана синтезировать идею и образы человеческого достоинства в единый рационально-ценностный и эмоциональный комплекс, поддерживаемый механизмами самосознания личности и человеческого сообщества, и в частности, рефлексией достоинства.

Ключевые слова: человеческое достоинство; деятельностный подход; дескриптивная концепция достоинства; конструктивная концепция достоинства; самовосприятие; интроспекция; самопонимание; рефлексия достоинства.

1. Introduction

Latest developments in post-Soviet space as well as in the Mid-East area, especially the Ukrainian crisis and the atrocities of the “Islamic state”, demonstrate how acute is the risk of rapid dehumanization, massive violence in the course of civil conflict. Despite the thorough theoretical work over the concepts and value complexes of humanism, mutual understanding, non-violence etc. in modern philosophy, sociology, conflictology, ethical studies, these concepts to a considerable extent fail to serve as landmarks and moral criteria of social life.

Contemporary humanities are still in need of some pivotal idea or concept that would be based on a solid philosophic and argumentative ground, would be in correspondence with traditional religious outlook and values and would also possess a developed system of theoretic and pragmatic implications, moral and emotional supplements that would hopefully stop the humanity from avalanche-like beastification. One of such concepts that has the peculiar tradition of problematization and at the same time deserves a more thorough transdisciplinary approach is the idea and notion of human dignity.

Theoretical arrangement associated with this idea is one of the most significant achievements of the “anthropological turn” in post-classical philosophy. At the same contemporary tradition in the understanding of human dignity inherits the spirit and topical fields of reasoning dignity in Plato’s, Aristotle’s and the stoics’ teachings, and reflects certain traits of Renaissance humanism, French Enlightenment and of course the German transcendental school. In the meanwhile, it was merely the post-classic era that established the possibility to argue that the *idea* of dignity and its theoretic *definitions* must be supplemented with a deliberate *imagery* of dignity to become the true and effective regulation of social life.

2. Research findings

Deliberating the idea and image of dignity, post-classical philosophy does close a sort of historical “circle”. In ancient philosophy, we start with a visual demonstration of dignity in the mindset and “modus vivendi” of a thoroughly thinking (philosophizing) person. Over time, we come to the idea, typical for Modern-era thought, that dignity is a theoretical principle, rational basis of life and human interaction. Dignity as a principle fits into the concept of the “world as it must” necessary for the expedient transformation of the “world

that is”. Finally, the post-classical philosophy, from Schopenhauer and Nietzsche to the existentialists and Marxists, speaks of dignity as precisely the ability to synthesize the idea and the image, to embody the intelligible principle in the practice, seeking to convert, organize, subordinate to the moral law chaotic, often absurd, unjust or inauthentic world. Dignity is therefore more than a principle and more than a behavioral trait: it is merely the human capacity for responsibility (first of all, to the self) and for “wholeness” of life provided by (and supplied with) the internal moral law, the criterion of right and justice.

One may say that such understanding of dignity is not exclusively “humanitarian” anymore. It can be interpreted broadly – as far as to say that dignity is in general a quality of a structural unit in a system of relations mediated by symbolic exchange, such as communication mediated by *values*. Such dignity is an attribute of person (merely a person capable of communicating and cooperating with others and at the same time of deliberate isolation from them) but may also be a sign of a cultural phenomenon, an ideology, a scientific discipline or a teaching. No wonder that the modern Russian researcher A. Bikbov entitled his essay in the sociology of philosophical knowledge (or exactly on how philosophers promote themselves in the scientific community) «Philosophical dignity as an object of study» [1]. And for example Harvard professor M. Rosen in his book “The dignity of history and meaning” [2] analyzes dignity as a concept entwined in the disciplinary and cultural ties, including philosophy, law, politics, ethics, theology and specific religious beliefs. Moreover, he sees dignity as a means of clarifying the legal, political, ethical and religious discourse by placing it in a particular social context.

Below, we will still focus on the most obvious mode of dignity – the dignity of the human being. Post-classical humanities boast rich variety of paradigms of the human in which notions of human dignity are also different. In particular, we may notice the similarities and differences between the existential-phenomenological philosophy, which perceives through the German neo-Kantianism essential features of Kant’s approach to the phenomenon of humanity, and socio-critical tradition (including neo-Marxism and post-Marxism), focused on the distinction between true and alienated human existence. Substantial contribution to the understanding of the dignity is made by structuralism

and post-structuralism, with its attention to symbolic determinants of self-identification.

For contemporary Russian authors, it is typical to understand dignity as “a characteristic of a person from the standpoint of his intrinsic value, correspondence to one’s predestination” [3]. This definition unveils the paradox: to what extent can we talk about “predestination” of a person having not determined the ontological grounds of his dignity (and of his, to say so, “destiny” as well)? And if we even put such goal before ourselves, doesn’t it mean that the ontology of dignity relies on the notion of “predestination” as some transcendental condition, irrational entity, something like “αμαγκη” or “dao”?

To circumvent this difficulty, post-classic thought states that the source of dignity is to be searched for in no impersonal environment but in the ontology of individual. Under this approach, we would rather replace “predestination” with “vocation” and thus get the notion of dignity as thinking, behavior and values of the self-actualizing personality. Self-actualized people, – says A. Maslow – involve into something that is outside themselves. They are committed to this business, it is something very valuable to them – a kind of vocation (see: [4, p. 110]). From here follows the idea of the activity-related nature of human dignity: it is not a prerequisite of human existence, but above all the *opportunity* and *goal*. Human activity that meets certain criteria does objectify and event *thingify* dignity; thereby the activity itself acquires the status of worthiness. On the other hand, the lack of activity is sometimes harmful for dignity.

Linking the ideas of human dignity and activity, we see that in post-classical conceptual contexts dignity appears in two ways: first, as a phenomenon (a feature of a person, an integral indicator of one’s self-understanding and self-perception), and then, as a principle (an essential trait of human co-existence, enclosing an imperative of behavior). It is important that dignity involves not only the self-determination in social reality (the latter is always given to a person in a certain view and implicitly guides the mind in a certain direction), but also in the wider frame of reference. This is self-identification within history, in politics and culture, in the context framed by the image of “all mankind”, the sense of humanity and its destiny. That’s probably why Kant spoke of the value constitution of culture due to the fact that the existence of values as such is only possible by virtue of the human relationship to the world, “as a measure of humanity and free-

dom” (see: [5, p. 7]), and “morality, and humanity as capable of it, is that which alone has dignity” [6, p. 212].

Apart from them the mentioned “predestination paradox”, which is more or less eliminable by the activity approach, some more difficulties exist.

First, it is the question of nature and (or) socio-historic and anthropological genesis of human dignity and rights, dialectics of their relations. Activity approach is the attitude that merely unites the question of dignity with the problem of human rights. In other words, the notion human rights gets its precise sense due to the fact that the human being, representing activity, involves in communication, cooperation and possible contradiction with the other. Still, as M. Rosen notes, attention to human rights does not only make the problem of dignity more distinctive, but paradoxically draws attention away from the non-codified right of some other nature – the right to perception and acknowledgement of one’s dignity in the other’s mind, emotions and world-outlook (apart from what he or she is actually doing). In fact, the matter is of the “right to be respected”, which derives from dignity and stands for premise of “worthy relation” to the other both in thought and deed.

In a most clear way this correspondence between dignity and rights is demonstrated by the “Statement of Ethical Principles” adopted by the International Federation of Social Workers. It is stated there that social work is based on the “... inherent worth and dignity of all people, and the rights that follow from this” [7]. This is quite a bold declaration, because dignity is not just mentioned along with the rights, but is uniquely determined as a source of rights (hence there’s only one step to the understanding of dignity as a source of law in general).

Dignity is often described as the human’s constant attribute. But, as R. Apresian in particular argues, the idea of dignity forms in the course of history as not exactly as estimative but more as an imperative characteristic. Human being is *granted* dignity (this is the attitude of Christianity in private) and he *must* be worthy of this divine gift. Thus the notion of inherency of dignity intertwines with the notion of “endowment”. The latter doesn’t always necessarily mean possession, at least not the one we can explicitly state. S. Darwall writes that “although Kant sometimes conceives of dignity as involving a standing every person has to demand, or ‘exact’ respect, Kant also treats dignity as a value we can all achieve, but only when we properly

exercise our capacity for moral choice” [8, p. 8]. As a result, dignity in contemporary thought is first of all potential of a human and a peculiar task for him, a test for the whole mankind. Not accidentally M. Heidegger emphasized that “higher humanistic definition of a human being has not yet reached the true dignity of man” [9, p. 328].

Another difficulty arises as the question about the scope of implementation of dignity as a principle. They sometimes speak about “dignity of human” and “dignity of person / personality” as of notions that differ in degree of generality. Sociological case studies introduce the idea of corporate, or group, dignity derived from the phenomenon of group solidarity and mutual coincidence of personal dispositions of members of the group (see: [10]). The concept of the “dignity of human life” evolve in the context of modern bioethics, etc.

Still more difficulties are caused by the necessity to introduce the idea of human dignity to the topical area of axiology. The Preamble of the United Nations Charter places into the one synonymous row “faith in fundamental human rights, in the dignity and worth of the human person, in the equal rights of men and women and in the equal rights of nations large and small”. It is peculiar that “dignity and worth” act here as mutually supplementary attributes. The logic of the authors of the document is probably that it’s scarcely enough to nominate respect for the individual through the “dignity” or “value” alone, but only through their synthesis.

There is certain history behind this thought. The idea of dignity is intertwined not only with the concept of value, but also with the idea of evaluation: that means to “evaluate” oneself, to look for evaluation (appreciation) from the other, to take an external estimate as adequate or abandon, to overcome it. Self-assessment of one’s dignity, especially critical one, seemingly confers person to certain moral advantage or “power”. And nevertheless, according to many philosophers of post-classical era, it is important to completely separate *evaluation of dignity* from the *recognition* of it. Even if a person is recognized in his / her dignity, not every such recognition is all right, for it can be even humbling, as when awarded conditionally («He is worthy because he is such a... / has done something...»). “It is time to understand, finally, that acknowledging something as “value” deprives the evaluated of its dignity, – M. Heidegger writes. – This means: because of assessing something as a val-

ue the estimated object begins to exist only as a subject of human evaluation” [9, p. 34-344].

But no matter how we try to protect the idea of “pure dignity” within its own theoretical field, in practice this approach is not quite applicable. As, for instance, J. Habermas notes, in actual problematic situations the sense of human dignity inevitably involves pragmatic connotations – not central, but certainly significant. They are connected with the idea of actually checkable value, primarily through the self-esteem of a person, but also in the context of assessments given by others. In philosophical and political discourse human dignity and its socially acceptable personality traits (some “personal achievements” or “merits”) are quite often identified with each other. Based on this principle, in particular, the ideology of meritocracy, the origins of which are contained in the works of M. Young [11]. However attractive in itself, his ideas leave many questions in what concerns implementation. Their popularity testifies to the problem state of the political and legal identity of society, the discrepancy between self-esteem and its regulatory mechanisms, such as representative democracy. Even in a democratic society, and merely in it, “the appearance of meritocratic discourse that resembles that power should belong to the worthy is a sign of an impending crisis of legitimacy” [12].

The mentioned difficulty is driven by the effort of many thinkers and public figures to lead the idea of dignity out of the shadows on intuitive notion of “natural” hierarchy of merits as a system of more and less “worthy” social statuses. This is not an easy task to fulfill, because the status hierarchy, observable in the animal world as well, is apparently deeply rooted in the psyche of a human being. And still many modern social philosophers, say for instance J. Waldron and M. Dan-Cohen in their work “Dignity, Status and Rights”, note that it is more productive to speak of dignity in terms of achieving equally high status for as much people than to abandon the discourse of statuses at all (see: [13]).

Here it should be mentioned again that activity approach is also related to understanding of human dignity as a source of social action and the basis of law. This approach is reflected in particular in the Article 1 of the Basic Law for the Federal Republic of Germany of 1949. It stated that the inviolability of human dignity and human rights is a peremptory basis “inviolable and inalienable human rights as the basis of every community, of peace and of justice in the world”. More concise

formulation is given in the Constitution of the Republic of Belarus (Art. 25 – “The state shall ensure the freedom, integrity and dignity of the person”), of the Constitution of the Russian Federation (Art. 31 – “Human dignity shall be protected by the state. Nothing can be the basis for its derogation”). Ultimately, modern researchers note: despite very different understandings of what is included in the set of inalienable human rights and to what divisions (“generations”) they should be systematized, we find the point of convergence of multiple legal traditions and systems in the very understanding of what dignity is and how it should be protected. This implies that the dignity is in fact a catch-all category, even more applicable for understanding and dialogue between civilizations and legal cultures than “human rights” in their European sense.

We would specifically comment on the approach implemented in the Constitution of the Republic of Poland, where it is said that “the natural and inalienable dignity of the person is the source of rights and freedoms of human and citizen. It is inviolable and its respect for and protection are the responsibility of public authorities”. The self-applying reflexive ratio is remarkable here: dignity is “the main motive and justification for the existence of rights and freedoms” [14], but the very notion of dignity is introduced primarily by reference to the rights and freedoms. One of the first who put these concepts in such a “reverse” order was J.-J. Rousseau, who famously remarked that “give up one’s freedom means to renounce one’s human dignity, abandon one’s human rights and even his duties”. Due to this ratio human dignity is often spoken of as primarily the *civil dignity* – readiness for civil action aimed at protecting one’s and common rights.

But doesn’t this in the long run imply that dignity is a metaphysic substance or a simulacrum of sort, always constantly appearing and being referred to in its otherness but having no own true being? To answer this partly provocative question we must mention the problem of “scope” or “limits” of human dignity at the conceptual, practical and reflexive level. The history of mankind gives us many examples of what can be called “acquisition” of dignity in thought, action, decision. It is easy to recall instances when frankly inhuman treatment did not deprive the victim of “inner core”, which meant for him/her following the internal criteria of authenticity and correctness. But there are also numerous examples where people in similar circumstances

demonstrated complete loss of such a criterion, so to say, betrayed themselves.

Search for some common rule in each of such cases determines the request for transition from *descriptive* concept of dignity to *constructive* one. Characteristic feature of the first is the description and interpretation of “dignity experience”. The second focuses on the formulation of the decisive conditions of dignity, the transition from the experience of “non-esteem” to “dignity” and also (which surely cannot be omitted from study) from esteem back to indignity. Samples of the descriptive approach are there in the theories of G. Pico della Mirandola, B. Pascal, in post-classical era – for instance, in H. Bergson’s works. The constructive approach derives primarily from the works of I. Kant. Among the thinkers who sought to follow this pattern in post-classical era was M. Heidegger with his idea of dignity as “putting the humanity at the service of man”. Echoes of this idea can be heard particularly in the theory of L. Fuller who talks about the “inner morality of law”, which implies such qualities of legislation as clarity, consistency, immutability of the language, the orientation for the future. Dignity should therefore be seen not just as a prerequisite for the law, but also as a criterion of “effective humanism” of legislation. A theory based on the constructive concept of dignity would describe the principles of activity, communication, management that would make human dignity true regulation of social life.

Relying on considerations that have been given about the image and idea of human dignity, can we formulate the most crucial requirements for the constructive theory of human dignity?

First of all, such theory should be formulated on the basis of the analysis of peculiar cognitive-and-value environment in which dignity grows, especially the analysis of *dignity-value* complex. This environment is in fact nothing but *self-consciousness* or self-awareness of a personality, a social group, a nation.

Merely in the context of self-consciousness dignity ceases to be perceived as an abstract goal, or some transcendentalia. Instead, it can be mastered as an important *motive* of concrete actions of personal, professional and primarily sociopolitical scope. Mind the eloquent citation from V. Stolin’s work: “As phenomena of consciousness, duty, responsibility, honor, dignity, conscience... concretize for social individual... such moral values... as good, justice, and humanity. These phenomena

are... a form of expression of the most important feature of the motivational sphere of the human, because they relate to the fact that with their highest moral content these motives lead outside his individual existence... and connect with the problems of epoch, of society in a whole" [15]. Not by chance the most advanced human rights codes historically evolved in those cultures where the matrix of philosophical understanding of the world and human's place in it used to rest on the idea of sovereignty of *self*, on special ontological status of the active subject.

Second, identifying of dignity should be based on the understanding of relations between *the idea* and *the image*. For that sake the constructive theory of dignity must in its own turn differentiate modes (or levels) of self-consciousness. It is justified to consider at least three of them: self-perception, introspection and self-understanding.

At the *self-perception* level dignity is represented as a special mode to relation to the self; a personal or a collective setting on self-esteem connected with posting some certain moral requirement or criteria to the self. This process involves the formation of a stable self-esteem stemming from a fairly rigid, sometimes critical, self-assessment and internal design of measures to improve it, that is some "working on self".

At the *introspection* level (mind that we should not mix this with psychological introspection which means registering changes in one's emotions or thoughts) through witnessing the process of self-esteem growing, its variations and crises, a person primarily generalizes one's image of dignity to become an idea or concept. The latter then can act as the integral principle of evaluating both the self and the others. In other words, the feeling of dignity transforms in some *conceptual definition* of dignity, possessing a repertoire of verbal and image connotations. In a personal scale this generalization can bear expressive emotional and aesthetic coloring (evaluation of actions in terms of "beauty", "style", etc.). In a group scale it is also implemented in the artistic, fiction discourse filled with symbols and allegories of qualities preferred for this community.

At the *self-understanding* level the separate verbal definitions and figurative connotations of human dignity fit into the conceptual structure of dignity as a universal principle applicable

for the design of large-scale forms of personal, social, group, national, civilizational development. It is undoubtedly the most complex level, because on its way to the universal principle the *idea* of dignity should, in a sense, escape from the close interconnectedness with a repertoire of *images*, but not to stay in this bloodless theoretical formula.

Third, what must provide an increase in self-awareness in the transition to still higher level is the *reflection of dignity*. Its theoretical expression should be such a structural concept, in which the idea of dignity-values does not substantiate it in private images, "cases", examples, but stays significant and justified in itself, and at the same time embodies in visual images, eloquent stories, parables etc. needed for educational work.

3. Conclusions

Constructive theory of dignity should surely take into account the benefits of the activity approach, while avoiding its limitations. Human dignity cannot be reduced to its readiness to fulfill social functions. Universal correlate of human dignity could be generalized as a notion of the *human person as the creator of history, civilization and culture*, the "author" of a set of good and useful artifacts that fill the life-world of mankind: from stone tools to the modern technologies. It means that the activity approach developed by contemporary philosophic anthropology and other disciplines can be modified with the reference to the concept of *human creativity*. Human dignity is increasingly provided by the creative potential of the whole mankind, its ability to find adequate answers to the global and local challenges, to demonstrate movement to a more equitable, harmonious social and socio-natural world.

Thus, the theory of human dignity is no longer a derivative, side branch of a philosophical or sociological doctrine. On the contrary, the discourse of dignity often serves as some tool for adjusting a doctrine, some kind of "test for humanity". The problem of dignity in its modern interpretation does not imply a purely conceptual, theoretical solution but focuses on the development of synthetic approaches involving law, sociological, anthropological, medical, psychological and pedagogical knowledge, relevant forms and methods of educational work, and art, technology, public communications as well.

REFERENCES:

1. Bikbov A. Philosophical Dignity as an Object of Study // Logos. 2004. № 3-4.
2. Rosen M. Dignity, its History and Meaning. Harward University Press, 2012.
3. Apresian R. Dignity // New Philosophic Encyclopedia: In 4 volumes / Ed. by. V. Stio-pin, A. Huseinov, A. Ogurtsov, G. Semigin. M., 2000.
4. Maslow A. Self-Actualization // Psychology of Personality. Texts. M., 1982.
5. Stolovich, L.N. Kant on the problem of value // Kantian collection. 2009. № 2. Pp. 20-30.
6. Kant I. Fundamental Principles of the Meta-physic of Morals / Works: in 8 vol. V. 4. M., 1994.
7. Statement of Ethical Principles // International Federation of Social Workers [Electronic resource]. – URL: <http://ifsw.org/policies/statement-of-ethical-principles> (date of access: March 14, 2015)
8. Darwall S. Honor, History, and Relationship: Essays in Second-Personal Ethics II. Oxford Scholarship Press, 2013.
9. Heidegger M. Letter on Humanism // Problem of the Human in Western Philosophy: Translations / Comp. and afterword by P.S. Gurevich; tot. ed. Yu.P. Popov. M., 1988.
10. Prusak A.I. Personal Dignity in Sociological Discourse // Socis. 2006. № 7.
11. Young M. The Rise of the Meritocracy // Utopia and utopic consciousness / Comp. and tot. ed. V.A. Chalikova. M., 1991.
12. Kustariov A. Meritocracy and Democracy // Emergency store [= Неприкосновенный запас]. 2013. №1.
13. Waldron J., Dan-Cohen M. Dignity, Rank and Rights. Oxford Scholarship Press, 2012.
14. Kovalyov A.A. Value and Dignity of Person – Philosophic and Legal Basis of Human Rights and Freedoms // Science and education: economy; business, law and management. 2011. № 2 [Electronic resource]. – URL: http://www.journalnio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1097&Itemid=114. (date of access: March 14, 2015)
15. Stolin V.N. Personal self-consciousness. M., 1983 [Electronic resource]. – URL: <http://psylib.org.ua/books/stolv01/txt10.htm>. (date of access: March 14, 2015)

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.35

Pogoreliy M.Yu.

CONSIDERING SOME BEHAVIORAL ECONOMIC ISSUES CONCERNING THE DILEMMA OF CUSTOMERS BUYING SMARTPHONES

Pogoreliy Mark Yurievich, *PhD in Economics, Associate Professor*
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: pogorelii@bsu.edu.ru

АБСТРАКТ

Different brands are represented on the smartphone market. In this article, the author refers to the study of the dilemma, which is determined by the customer's choice of one or another manufacturer of smartphones. General theoretical approach is based on the scientific works of the scientists: Mitchell, W. (1914). Clark, J.M., (1918). Katona, G. (1980). Leibenstein, H. (1985). Simon, H. A. (1978). Gilad, B., Kaish, S. (Eds.), (1986). Ainslie, G. (1992). Camerer, C. F. (1985). Kim P. Corfman (1995, Goldman, Alfred E. (1962), Welch, Joe L. (1985), Levy, Sidney J. (1979). The author has developed criteria for assessment of the smartphone, which were presented in the questionnaire. The author uses a survey to research the consumer preferences. The respondents rated the products of such brands as Acer, Apple, Dell, HP, Lenovo, MSI (does not manufacture smartphones), Samsung, producing smartphones. The author processed the results with the help of MS Excel. The author has formulated conclusions in accordance with the results of the conducted research.

Keywords: a customer; the Customer's Dilemma; behavioral economics; the questionnaire; a homogeneous group; the respondents; the brands; a scale; a rating; assessment criteria; values of the criteria.

Погорель М.Ю.

РАССМОТРЕНИЕ НЕКОТОРЫХ БИХЕ- ВИАРИСТИЧЕСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ, КАСАЮЩИХСЯ ДИЛЕММЫ ПОКУПАТЕЛЕЙ СМАРТФОНОВ

Погорель М.Ю., *кандидат экономических наук, доцент*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия; *E-mail: pogorelii@bsu.edu.ru*

АННОТАЦИЯ

На рынке смартфонов представлены различные бренды. Автор в данной статье обращается к исследованию дилеммы, которая проистекает из выбора клиентом того или иного производителя смартфонов. Общий теоретический подход базируется на научных работах ученых: Mitchell, W. (1914). Clark, J.M., (1918). Katona, G. (1980). Leibenstein, H. (1985). Simon, H. A. (1978). Gilad, B., Kaish, S. (Eds.), (1986). Ainslie, G. (1992). Camerer, C. F. (1985). Kim P. Corfman (1995, Goldman, Alfred E. (1962), Welch, Joe L. (1985), Levy, Sidney J. (1979), Суть исследования сводится к изучению предпочтений потребителя через анкетирование. Автор статьи разработал критерии оценки смартфона, которые были представлены в анкете. Респондент оценивал продукцию брендов Acer, Apple, Dell, HP, Lenovo, MSI (MSI не производит смартфоны), Samsung, которые производят смартфоны. Автор обработал полученные результаты посредством MS Excel. Автор сформулировал выводы в соответствии с полученными результатами проведенного исследования.

Ключевые слова: покупатель; клиент; дилемма покупателя; поведенческая экономика; анкета; однородная группа; респонденты; бренды; шкала; рейтинг; критерии оценки; значения критериев.

1. Introduction

A customer is a key figure in the system of economic relations. Manufacturers produce products that consumers need. The attempt to understand the needs of the consumer determines the necessity to conduct a market research. The high degree of competition exists in the market of smartphones. Various manufacturers offer to a buyer wide range of smartphones. New players (Caterpillar, FLY, Prestigio, Pantech Curitel) appear in addition to the well-known smartphone manufacturers (Acer, Alcatel, Apple, Asus, HTC, Lenovo, LG, Motorola Mobility LLC, Nokia, Philips, Samsung Electronics, Sony, ZTE) on the market of smartphones. In addition, well-known brands Microsoft (Lumia), Hewlett-Packard began to produce smartphones. The buyer can choose:

- an affordable smartphone,
- a professional smartphone with a long period of time for battery life,
- a prestigious smartphone for entertainment,
- an ultra-premium smartphone,
- a premium design smartphone.

Various factors determine the choice of a customer. However, a buyer has the budget limits. Therefore, there is a Customer's Dilemma.

2. Theoretical background

The researchers have scrutinized behavioral economics widely in order to understand the factors, which affect buyers. Mitchell stressed the necessity of a combination of economics and psychology in Quarterly Journal of Economics essay "Human Behavior and Economics" (Mitchell, 1914). Clark agrees with Mitchell in Journal of Political Economy paper: "The economist may attempt to ignore psychology, but it is sheer impossibility for him to ignore human nature" (Clark, 1918). Katona develops the behavioral economics. He wrote: "Generalizations about economic behavior emerge gradually by comparing behavior observed under different circumstances" (Katona, 1980). Leibenstein and his adherents have underlined the difference between optimizing behavior and optimal decisions this causes for the organization they belong to" (Leibenstein, 1985). Camerer studied individual decision making, he thought: "Decision making is increasingly important for economics for at least two reasons.

First, in many economic settings individuals make decisions by and among themselves: consumers save, sell their labor, buy houses and durable goods, form economic and social relationships, and bargain...Second, economic analysis has also reached into increasingly complicated domains recently. Until thirty years ago there were few formal models with any uncertainties. Weak assumptions about agent rationality were adequate to generate strong market level results (e.g. Pareto optimality). Now many models presume agents can make choices under risk and uncertainty, over time, keeping in mind subtle game-theoretic effects. As the models grow and more complicated, agents are assumed to have more and more rationality. Then it is more likely individual agents violate the models..." (Camerer, 1985). Simon (1978), Gilad, Kaish (Gilad, Kaish, 1986) consider economics as a complex of knowledge in the sphere of anthropology, organization theory, psychology, sociology. Ainslie defines microeconomics as a process of negotiations between individuals (Ainslie, 1992). Therefore, there are good developed scientific approaches to the behavioral economics and the last one (Ainslie, 1992) is rather interesting, taking into consideration our research method.

3. Research method

Researchers often use a written survey to obtain information allows researchers to study this or that phenomenon. A written survey is one of the methods of quantitative research, when the respondent fills out the questionnaire on their own (without the participation of the interviewer). Most experts agree that the survey is used for conducting surveys among homogeneous groups. Kim P. Corfman stresses the importance of having a homogeneous group. "An issue that is widely debated among those who provide and use focus group services is the importance of group member homogeneity to the quality of a group's output" (Kim P. Corfman, 1995). Various authors have considered a homogeneous group in different ways. Goldman defines the criteria for homogeneous group. «A number of individuals may be very different in national origin, religious beliefs, political persuasion, and the like; but if they share a common identity relevant to the discussion..., a group can form» (Goldman, 1962). Welch draws our attention to the complexity in the formation of a homogeneous group: «Mixing participants

from distinct market segments into a single group is not recommended because each person's segment has different requirements» (Welch, 1985). We have taken into account the views of Levy. «Sometimes a varied group is wanted, for the interplay of diverse views on a topic that all can discuss.... However, sharp diversity or division in the group is hazardous» (Levy, 1979). We decided to make a written survey among the students, because members of a group had to each other a lot in common: age, cultural background, convictions, etcetera. We took into consideration that: «In homogeneous groups, members are likely to know the same things, come at the problem from the same perspective, and consequently, are likely to overlook some important information or take shortcuts in the problem – solving process» (K. Verderber, R. Verderber, D.Sellnow, 2013). Therefore all respondents were active users of various smartphones. We considered a student's group as a homogeneous group. We had to observe some requirements of a written survey. There was an opportunity to clarify to respondents the difficult moments during the procedure. A written survey was anonymous. We tried to exclude the influence of the personality of the interviewer on the audience. Respondents had enough time to think about questions.

We conducted a questionnaire survey of 100 respondents – students who study management and computer science. These were full-time students and part-time students. Later, when processing the completed questionnaires we found out that 37

respondents messed the questionnaires. Thus 63 respondents participated in the survey.

The respondents rated the production of the brands Acer, Apple, Dell, HP, Lenovo, MSI¹, Samsung, which produce the smartphones. In the questionnaire, we have placed among the 6 well-known brands 1 brand, which does not manufacture smartphones (Micro-Star International – Taiwanese manufacturer of motherboards, video cards, laptops and tablets). Respondents rated some smartphone of an average category on a scale of 1-9, according to their own preferences. A rating of 1 corresponded to the minimum value; a rating 9 corresponded to the maximum value. Figures that the respondent noted in the questionnaire should not be repeated in column profiles.

4. Results

Assessment criteria were located at the left side of the questionnaire: the weight of the smartphone, the size of a smartphone, design of the smartphone, the processor of the smartphone (the number of cores, the clock frequency or the number of operations of calculations per second), the smartphone memory (RAM), quality video (screen) of the smartphone, the quality of the speaker system of the smartphone, battery capacity of the smartphone, the image of the brand – manufacturer of the smartphone. The brand name of the smartphone was located at the right side of the questionnaire (Appendix 1).

¹ MSI does not manufacture smartphones.

Smartphones	Acer	Apple	Dell	HP	Lenovo	MSI	Samsung
1. Weight of the smartphone	5	6	3	3	3	2	4
2. The dimensions of the smartphone	6	7	4	4	4	4	1
3. Design of the smartphone	9	8	5	5	6	3	3
4. Processor of the smartphone (number of cores, the clock frequency or the number of operations of calculations per second)	4	5	2	8	9	5	9
5. Memory (RAM)	3	4	9	9	5	6	5
6. The video quality (Screen)	2	3	7	2	2	7	6
7. The quality of the speaker system	1	2	6	1	1	9	7
8. Battery capacity	7	1	8	6	8	8	2
9. The image of the brand– manufacturer of the smartphone	2	9	1	7	7	1	8

We asked the respondents to set the assessment for each brand (column). We believed that such an arrangement – criteria (left) and brands (right) – allowed us to achieve the maximum degree of the range of values in the row; the value that characterized the relevant criteria. We planned to process the value of each criterion using MS Excel by activating the corresponding function to calculate the average.

We obtained the following values of the criteria:

1. weight of the smartphone=3,428571429;
2. the dimensions of the smartphone=3,628117914;
3. design of the smartphone=4,344671202;
4. processor of the smartphone (number of cores, the clock frequency or the number of operations of calculations per second)=6,260770975;
5. memory (ram)= 6,10430839;
6. the video quality (screen)= 5,659863946;
7. the quality of the speaker system=4,988662132;
8. battery capacity=5,337868481;

9. the image of the brand– manufacturer of the smartphone=4,614512472.

The sum of the criteria was 100%. This value was 44,36734694 in absolute terms.

5. Conclusions

Since the respondents have spoiled 37 questionnaires, we state the fact of carelessness of the respondents.

Each respondent assessed the MSI. But Micro-Star International does not manufacture smartphones. We think that respondents are indifferent to the brand or the respondents are not informed about MSI`s products.

According to the research, the criterion «weight of the smartphone» had 3.428571429 points, or 7.73%. The criterion «weight of the smartphone» was the least important indicator. Criterion «processor of the smartphone» was the most important indicator with its value 6.260770975 points. Criterion «processor of the smartphone» equaled 14.11% in relative terms.

REFERENCES:

1. Mitchell W. Human behavior and economics: a survey of recent literature. Quarterly Journal of Economics Vol. 29. 1914. Pp. 1-47.
2. Clark J.M. Economics and modern psychology // Journal of Political Economy. 1918. 26. Pp. 1-30.
3. Katona G. Essays on Behavioral Economics. Survey Research Centers, Institute for Social Research, The University of Michigan, 1980.
4. Leibenstein H. On relaxing the maximizing postulate // Journal of Behavioral Economics. 1985. Vol. 14. Pp. 5-20.
5. Simon H.A. Rationality as process and as product of thought // American Economic Review. 1978. Vol. 68. Pp. 1-16.
6. Gilad B., Kaish S. (Eds.) Handbook of Behavioral Economics, vols. A and B. JAI Press Inc. London, 1986
7. Ainslie G. Picoeconomics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
8. Camerer C.F. Individual decision making / In J. Kagel and A. Roth (eds.). Handbook of Experimental Economics. Princeton: Princeton University Press, 1985.
9. Kim P. Corfman The Importance of Member Homogeneity to Focus Group Quality, in NA – Advances in Consumer Research Volume 22, eds. Frank R. Kardes and Mita Sujjan, Provo. UT: Association for Consumer Research, 1995. Pp. 354-359.
10. Goldman Alfred E. The Group Depth Interview // Journal of Marketing. 1962. July. Pp.61-68.
11. Welch Joe L. Researching Marketing Problems and Opportunities with Focus Groups, Industrial Marketing Management. 1985. 14 (November). Pp.245-253.
12. Levy Sidney J. Focus Group Interviewing in James B. Higginbotham and Keith K. Cox, eds., Focus Group Interviews: A Reader, Chicago: American Marketing Association, 1979. Pp. 29-37.
13. Communicate Kathleen Verderber, Rudolph Verderber, Deanna Sellnow. – Cengage Learning, 2013. p. 199.

УДК 339.562(338.012:339.133.024:330.4)

*Chervinski Y.A.***IMPORT SUBSTITUTION POLICY:
CONCEPTS, METHODS
OF ANALYSIS AND MAIN AREAS
FOR IMPROVEMENT****Chervinski Yevgeny Alexandrovich,***Researcher, The Center of the World Economy and Foreign Research**The Institute of National Economy, The National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganova St.,
Minsk, 2220072, Belarus**E-mail: e.chervinski@gmail.com***АБСТРАКТ**

The article analyzes the existing methodology of import substitution, investigates the mechanisms and objectives of its implementation, suggests possible directions of improvement of this economic strategy.

Keywords: substitution of import; import substitution policy; national goods transitive economy; technological innovation; the dynamics of domestic demand; quantitative import quotas; changes in the structure of the economy.

*Червинский Е.А.***ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ:
ПОНЯТИЕ, МЕТОДИКА АНАЛИЗА
И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ****Червинский Евгений Александрович,***научный сотрудник Центра мировой экономики и внешнеэкономических исследований**Институт экономики Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, Минск, 2220072, Республика Беларусь**E-mail: e.chervinski@gmail.com***АННОТАЦИЯ**

Анализируется существующая методология политики импортозамещения, исследуются механизмы и задачи ее реализации, предлагаются возможные направления совершенствования данной экономической стратегии.

Ключевые слова: политика импортозамещения; национальные товары; транзитивная экономика; технологические инновации; динамика внутреннего спроса; количественное квотирование импорта; изменение структуры экономики.

1. Introduction

The current stage of development of the world economy is characterized by the increasing role of trade. Trade is an important element in the dynamic development of the national economy. However, the prospects of imbalance between exports and imports are a negative aspect of the process. International division of labor provides countries with opportunities to increase exports, but increasing dependence on imports and negative trade balance.

An integrated approach is necessary to support the export potential; for rational use of imports in the country; to ensure the competitiveness of national products on the world market in the long term. The results of the global financial and economic crisis actualized the problem. The crisis provoked reduction of national economies and increased competition in international markets. Import substitution policy is a means of solving this problem. It involves the gradual replacement of imported goods by the domestic goods. But there is a need for specialization in production, which has raw materials, energy, territorial priorities. [1, p. 100-106].

2. Research findings

The first attempts of import substitution take place due to the crisis of the western economy known as the «Great Depression». During this crisis the decline of purchasing power of foreign markets led to a drop in the world trade. The crisis affected Latin America the most, where economies are dependent on exports of raw materials to the United States and Europe. To overcome the gap in these countries a new economic policy was adopted, known as «import substitution industrialization».

Southeast Asia is another region, which used the policy of import substitution. It began in the middle of the previous century, that is the later period in comparison with Latin America. Currently there is an interest in import substitution policy from countries with transitive economy. The interest is determined problem of balance of foreign trade and a need to change economic systems.

Analysis of practice of import substitution in the transition economies helps to classify its main objectives, modalities and mechanisms for implementation, to determine the results.

a) Aims

The main objectives of the policy of import substitution in Latin America and Southeast Asia were industrialization and catching the

economically developed countries. Currently in the countries with transitive economy the import substitution policy aims to improve the trade balance and reduce imports. This is determined by the decrease in the competitiveness of industry and agriculture. This fact determines the value of import substitution in the system of economic policy. In the past it was the dominant component of the economy. Now it is a subsidiary mechanism of diversification of production and optimization of foreign trade.

b) Conditions for

The specificity of «import substitution industrialization» in Latin America is justified by the objective prerequisites. Significant resources helped to provide their own raw materials for industry. Large volumes of domestic markets kept demand for domestic goods at a high level. This created conditions for economic development at the expense of domestic consumption. Products the new industries replaced foreign goods, which reduced the cost of imports and to supported modernization of domestic economy. This is the specificity of import substitution policies in Latin America.

In South-East Asia the background of import substitution policy was less favorable. This is due to the small size of the domestic market countries such as Singapore, Taiwan, South Korea. Lack of natural resources reduced the competitive advantage. They were not allowed to develop at early stage due to the export of raw materials. Therefore, the import substitution strategy was focused on a limited number of goods. The production of such goods does not require large investment costs, it is not a high-tech and it provides a stable demand.

In the Commonwealth of Independent States (Azerbaijan, Kazakhstan, Russia and Ukraine) decided to develop import substitution industries was adopted. Some of them are commodity exporters with significant domestic markets. And in the long term this economic strategy can be success. In these countries import substitution policy is not seen as a central element in the development. It is a complementary mechanism for diversification of production and optimization of foreign trade relations. This policy promotes restoration of industry which stagnated after the collapse of the Soviet Union.

c) Implementation details

In the structure of import substitution policies of Latin America there can be two main phases:

– the first phase of import substitution, which came in the middle of the 20th century, was oriented to the development of the national branches of food and light industry;

– the second phase, which began in the sixties of the previous century, provided import substitution of heavy industry.

In the early stages this policy led to the rapid growth of the Latin American economy, but later the growth slowed down, the macroeconomic problems aggravated. Under these conditions neoliberal economic reforms were implemented in Latin America. They included: the opening of domestic markets, reduction of social spending, reduction of the state control and debt restructuring. The result was a long crisis: the gross domestic product reduced, the standard of living fell, unemployment increased [1, p. 67-70].

The first stage was the most productive period of import substitution industrialization for Latin America. At this time there was organized a new production of consumer goods of medium-term and short-term use. This kind of product is not capital intensive and allows you to adjust its output in the short term. The volume of the labor force in Latin America was sufficient, and production technologies were low. Such conditions do not require large expenditures on training and scientific and technical base. The problem of formation of light and food industry as a whole was successfully solved. However, the manufactured products were not competitive in comparison with the imported analogues.

In the second stage of import substitution difficult problem was to organize production for production purposes. It demanded to increase investment spending, to strengthen the costs of preparing of qualified professionals to enter the technological innovations. Reduction of dependence on imports of consumer goods in the Latin American region determined the dependence on foreign equipment and technology. This eliminated the savings of foreign currency obtained in the process of import substitution. Foreign currency earnings from exports were insufficient. There is an active attraction of foreign capital in the form of equity and loans. This led to increase in external debt. Heavy industry became not profitable, it focused on the domestic market. Slight demand for their products is not possible to achieve cost savings in the volumes. It's not possible to achieve a high level of competitiveness.

Implementation of the policy of import substitution in Southeast Asia was held later than in Lat-

in America. This helped to use the experience and avoid mistakes.

In the first phase there were formed the branches of food and light industries. The main emphasis was placed on the diversification of production. There was been a saturation of the domestic market products and increased demand for foreign currency funds. This caused a shift to the export-oriented economic policy.

In the process of export strategy there was increased demand for machinery and industrial equipment. This caused increase in imports and wage growth. The ability of import substitution industries to compete reduced gradually. The next step was industrialization. There began the creation of heavy industry.

The transition to export-oriented economic policy was complemented by the reduction in imports and restrictions on the import of goods from abroad. Liberalization of legislation occurred only after ensuring the rapid growth of exports. National production capacity was achieved to compete in world markets.

Post-Soviet countries with economies in transition developed industry. They do not have the need to implement the first and the second stage of import substitution. Making the new products is determined by competitive advantages, the dynamics of domestic demand and imports. For example, in the countries with large reserves of natural resources the priority vector of import substitution is manufacturing. In countries with a tradition of cotton the growing development of light industry is a priority. For transitive economy the production of various labor, capital- and knowledge-intensive should be completed.

d) Mechanisms

The means of tariff and non-tariff barriers were used in Latin America during the import substitution industrialization to support young plants. There were used high tariffs and strict import quotas. There took place artificially low exchange rate for the maintenance of domestic and foreign producers of discrimination [2, c. 60-62]. Funding was provided from the own sources of commodity export. Foreign direct investment and financial resources in developed countries were also attracted. The reserves of the International Monetary Fund and other credit institutions were used [3]. Large support costs of the manufacturing sector and social programs provoked imbalances in the macroeconomic sphere and large budget deficits. Hyperinflation in the 70s reached 1000% per year [4].

In South-East Asia in the early stages the financing of projects of import substitution was done using financial assistance of Western states. The support for Taiwan by the United States in the period from 1951 to 1965 amounted to 1,444 million dollars. [6, p. 31]. It compensated the lack of foreign currency and reduced the state budget deficit. The share of US funding in the national savings of Taiwan until 1961 was 40-68% [5, p. 31]. Such economic policy ensured the development of domestic sources of financing and increased their volume.

To be competitive in the international market and to protect domestic producers in South-East Asia the multiple exchange rates were used. Restrictions were placed on currency exchange of importers, ban on the import of luxury goods, devaluation the national currency. Taiwan was overvalued exchange rate of the national currency. This has a negative impact on the country's export potential, but domestic price increases and the increase of the cost of imported goods were stimulatory. They stimulate the production of goods for the domestic market. The relative prices of import of cotton in relation to export of rice increased by two and a half times. Rice is one of the main export commodities. [5, p. 44].

In the initial stages of import substitution policies there were introduced various restrictions to control the amount of imports. Without governmental approval the enterprise could not be imported to the amount of more than the volume of their exports. There were applied quantitative import quotas, used special permits lists for the imported goods. The lists included raw materials for domestic enterprises products export. Customs tariffs are low or zero. Licensing, tariff and non-tariff measures were restricted for foreign goods. There were used a ban on the import of products that were domestic counterparts with adequate security and quality. There were applied differentiated tariffs: low for raw materials, high and prohibitive for industrial goods and consumer demand luxuries. The restrictions on the import of goods from Asian countries are direct competitors. This stimulated the efficiency of import in the industry.

With the growth of export restrictions the foreign trade gradually declined. The size of import tariffs on finished products consistently reduces. There is a transition from permissive to restrictive lists of goods. Their import is reduced by additional taxation. The government reduced the protective measures for their industries. The industrial sector

is competitive and the products are in demand in foreign markets. Decrease of security developed industrial sectors accompanied by support of growing enterprises. There were imposed the restrictions on imports competing with the products of the young national enterprises. The measures of tariff regulation which used by Taiwan authorities were protectionist. It is noted by many researchers [6, p. 95].

In modern conditions the possibility of restrictive measures significantly reduced. Today in the import substitution policy the priorities are incentives. An important regulatory factor is the use of governmental and industry programs.

In Russia the first stage of import substitution, which took place after the 1998 crisis was caused by the devaluation of the national currency. Decline in real incomes of the population led to higher prices of imported goods in the domestic market. Consumer demand shifted to domestic production [7, p. 117-120]. Now the activation of import substitution policies implemented through sectoral development strategies of industry. The development of heavy engineering, automotive, chemical and petrochemical industry, pharmaceutical and other industries was regulated by the Federal Law «On the National Industrial Policy in the Russian Federation». The draft law is aimed at elimination of technological backwardness of industry, improving the competitiveness of products, expanding the range of manufactured goods. The displacement of foreign competitors in the domestic market is relevant [9]. Under the rules of the WTO the actions to displace foreign goods from the domestic market can be not recognized by the market.

Import substitution policy was also implemented in the Republic of Kazakhstan. Kazakhstan adopted: «The program of import substitution in light and food industries for 2001-2003» [10] and the «State program for accelerated industrial and innovative development of the Republic of Kazakhstan for 2010-2014» [11].

e) Results

The results of import substitution industrialization in Latin America are contradictory. It is necessary to recognize the success of the individual elements of the strategy to diversify the national economy and create new industries. There was achieved a high growth of gross domestic product in the medium term and gradual reduction of the export of raw materials. The transition to industrial economy boosted exports of consumer and industrial goods.

However, import substitution policy had negative aspects. The industries were formed under protectionism. They were unable to compete in the open market situation. Orientation to the maximal number of import substitution products led to its horizontal nature. This led to the increase in budget expenditures to support the industry. The closed nature of national markets provoked the emergence of monopolies and reduction of competition. Protection of industry provoked technological backwardness, inefficient enterprises and the growth of prices for their products. Agriculture had no preferences, so there began stagnation.

In Southeast Asia there was another approach. The harmonious combination of export and import policies allowed developing successfully. The industries focused on domestic demand gradually became export leaders. Labor-intensive, capital-intensive and technology-intensive industries developed. An integrated approach to restrictions on the import and export development strategy promoted successful industrialization. This provided the balance of the trade balance figures.

There was the formation of the new industries to develop infrastructure, to create financial institutions and transport. There took place state regulation of export-import operations to ensure the effectiveness of economic modernization. During the formation of the industrial economy the state regulation weakened. It was carried out by financial liberalization and increased competition in the domestic market states. The developed system of light and heavy industry stimulated the production efficiency. The private sector share in the Taiwanese industry in the early fifties was about 40%. And in 1980 it increased to 79.1%. This effect is provided by market reforms and liberalization of economic relations. [6, p. 85]. The negative effects of the conservation industry in the domestic market were overcome. In the countries of the Commonwealth of Independent States the import results are specific. The results are depend on the macroeconomic situation in the country. The volume of domestic and foreign investment determines the specificity of import substitution.

Countries with large reserves of minerals have growth of national output in the manufacturing sector. However, some states do not provide import substitution in agriculture, food and light industries due to price competition and the lowering of customs barriers.

The first phase of import substitution has not resulted in significant economic effect in the Re-

public of Kazakhstan. In Kazakhstan the first phase of import substitution failed to secure economic benefits. At the same time the second phase of import substitution has been successful [12, p. 15-18]. Engineering has developed successfully in countries that are able to ensure the growth of investment in this area due to the export of raw materials. There are primarily the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan. One of the distinctive trends in this area is actively attracting foreign direct investment to ensure import substitution. So almost all the leading car manufacturers have their production in the Russian Federation, including Renault, GM, Ford Motors, Volkswagen,

Conclusion

Import substitution policy is a set of measures aimed at stimulating production and competitiveness of domestic goods, increasing of domestic demand optimization of demand for imports. It is determined by the need to reduce the dependence of transitive economy on economic leaders. The main objective of the policy of import substitution is to encourage national production, to development the new products to stimulate demand and import restrictions. Actual directions: industrial restructuring, the balance of foreign trade, protection of the domestic market during the transition period. In the Commonwealth of Independent states import substitution is a complementary mechanism for diversification of production. Mechanisms for implementation: preferential loans and taxation, overvaluation of the national currency, governmental regulation. Ways to restrict imports: tariff regulation, quotas, introduction of limitation lists and multiplicity of the national currency.

Improving the competitiveness of new production provides vertical strategy of import substitution. It is aimed at meeting the intermediate demand of domestic enterprises. The horizontal structure? oriented to fill the maximum commodity nomenclature? is less effective.

Factors contributing to the policy of import substitution: large capacity of the domestic market, natural resources, ability to provide investments in the industry due to raw materials export.

The main vector of implementation of the import substitution policy:

- Improving the competitiveness of national products;
- Reorientation of industries from the domestic market to foreign markets;
- Effective integration into the global division of labor.

REFERENCES:

1. Kireev A.P. International Economics. In 2 p. p. I. International microeconomics: the movement of goods and factors of production. Textbook for high schools. M.: International relations, 1997. 416 p.
2. Modernization: international experience and Russia / Krasil'shnikov V.A. [and others]. M: Informart, 1994. 116 p.
3. Vasilieva N. In. To the issue strategy esportazione in the Russian Federation // Collection of scientific papers Sevkavtu. Series «Economics», 2005. №2. Pp. 34-51.
4. Guriev S. The Beijing consensus // Kommersant. 2006. 01 Saint. P.7.
5. Shirley V.Yu.Go. Economic policy of Taiwan / translated by L.L. Todorova; ed. by L.A. Friedman. M.: «Muravej Gajd», 1999. 160 p.
6. Buzanowski A.G., Morozov A.P. State regulation in the modernization of Asian countries. Kostroma: KOSTROMITIN-850, 2002. 256 p.
7. Kadochnikov P. A. Analysis of import substitution in Russia after the 1998 crisis. M.: IET, 2006. 148 p.
8. Federal target programs and state program // The Ministry of industry and trade of the Russian Federation [Electronic resource]. – 2012. URL: <http://www.minpromtorg.gov.ru/ministry/fcp>. (date of access: 08.11.2012)
9. Balance of payments [Electronic resource] / National Bank of Ukraine. – 2012. URL: http://www.bank.gov.ua/control/uk/publish/category?cat_id=44464. (date of access: 03.12.2012)
10. On approval of the Program of import substitution in the light industry and food industry for 2001-2003 // Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]. – 2012. URL: http://www.adilet.minjust.kz/rus/docs/Po10001088_/links. (date of access: 01.07.2012)
11. On the State program for accelerated industrial-innovative development of Kazakhstan for 2010-2014 and the annulment of some decrees of the President of the Republic of Kazakhstan // Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]. – 2012. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000958_. (date of access: 11.03.2012)
12. Medetbekova J. M. Import substitution Policy as a basis for sustainable development of the internal market (on materials of light and food industry of the Republic of Kazakhstan): author. dis. ... candidate. Econ. Sciences. Almaty, 2005. 30 p.
13. Sales of cars and light commercial vehicles in Russia [Electronic resource] // The European business Association. – 2013. URL: http://www.aebrus.ru/ru/press/sales_of_cars.php. (date of access: 14.03.2013)
14. Maddison A. Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2008 AD. URL: http://www.ggdc.net/MADDISON/Historical_Statistics/horizontal_file_02-2010.xls. (date of access: 01.10.2011)
15. Time Series // World Trade Organization [Electronic resource]. – 2012. URL: <http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDBStat-ProgramHome.aspx?Language=E>. (date of access: 10.10.2012)
16. Theil H. The Information Approach to Demand Analysis // Econometrica. 2005. Vol. 33. № 1. Pp. 67-87.
17. The World Bank. – 2014. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTPROSPECTS/Resources/334934-1304428586133/pink_data_m.xlsx. (date of access: 10.03.2014)
18. Prebisch R. Power principle and the ethics of development. Buenos Aires: IDB-INTAL, 2006. 140 p.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 316.422.42

Аматова Н.Е.

ОЦЕНКА РИСКОВ ВНЕДРЕНИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗЛИЧНЫЕ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Аматова Нина Евгеньевна,

ассистент кафедры социологии и работы с молодежью Института управления
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; E-mail: nina-amatova@ya.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с осмыслением процессов, происходящих в обществе на фоне развития и внедрения конвергентных наук и технологий. Анализируются современный уровень их развития, дальнейшие перспективы и связанные с ними риски. Обосновывается необходимость социально-технологического сопровождения NBIC-инициативы. Отмечается значимость и ведущая роль конвергентных технологий в развитии общества, а также усиление трансформации научного сознания на фоне их развития и внедрения. Актуализируются вопросы безопасности использования NBIC-конвергенции для человека и биосферы. Обосновывается потребность в совершенствовании способов контроля технологических рисков и усилении ответственности ученых, бизнеса и власти перед обществом.

Ключевые слова: постнеклассическая наука; социальные риски; конвергентные технологии; NBIC-конвергенция; научное сознание.

Amatova N.E.

RISK ASSESSMENT OF IMPLEMENTATION OF CONVERGENT TECHNOLOGIES IN VARIOUS SPHERES OF PUBLIC LIFE

Amatova Nina Evgenyevna,

Assistant Professor, The Institute of Management
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: nina-amatova@ya.ru

АБСТРАКТ

The article discusses the issues related to the comprehension of the processes taking place in the society on the background of the development and implementation of convergent science and technologies. The author analyzes the current level of development of these technologies, future prospects and risks associated with them. The article gives the rationale of socio-technological support of the NBIC initiative. The author notes the importance and leading role of convergent technologies in the development of society and strengthening of the transformation of scientific consciousness in the background of their development and implementation. The author emphasizes the safe use of NBIC-convergence for man and biosphere, as well as substantiates the need to improve the methods of control of technological risks and strengthening the accountability of scientists, business and government to society

Keywords: postclassical science; social risks; convergent technologies; NBIC-convergence; scientific consciousness.

Характеризуя общие тенденции развития научного знания, прежде всего, следует отметить, что переход науки в постнеклассическую стадию и направленность ее на освоение сложных саморазвивающихся систем, которые в качестве особого компонента включают и самого человека, привели к смене деятельности исследователей. Теперь в качестве основной выступает не познавательная, а проектно-конструктивная деятельность ученого, в ходе которой человек и мир (как субъект и объект познания) соединяются в единое целое. При этом в процессе преобразования реальности изменяется и сам человек.

Таким образом, происходит интеграционное взаимодействие науки и технологии, организованное по новым принципам. Теперь исследователь превращается в создателя социальной реальности, а процесс исследования – в особый вид практики, где истинность научного знания во многом определяется эффективностью новых технологий. Такое изменение, в свою очередь, обеспечивает превращение современной науки в мощную производительную силу, пригодную для выполнения социальных заказов.

На фоне протекания описанных выше процессов в общественном сознании образ науки обретает черты некоего феномена прагматико-социальной направленности.

Рассуждая об уникальности сложившейся ситуации, М.В. Шматко указывает, что «образ науки, формирующийся в обществе не как адекватное отражение происходящих в современной науке объективных процессов, а как результат особого восприятия науки на уровне массового сознания, начинает оказывать влияние на развитие самой науки. Влияние такого рода пока может быть оценено скорее негативно, так как оно переориентирует науку с внутренней логики ее развития на сиюминутные практические потребности общества» [5, С. 4].

Интересны в этом плане результаты опроса «Изобретения XXI века: чего ждут от науки наши современники?», проведенного ВЦИОМ в 2009 году, 34% россиян ожидали создания альтернативных видов топлива, 33% – искусственно выращенных органов, а каждый пятый (21%) ждал появления лекарства от всех болезней [2].

Очевидно, что в большинстве высказанные респондентами ожидания связаны с положительными эффектами от внедрения конвергентных технологий. К таковым можно отнести усовершенствование мобильной связи и сети Интернет, переход от микроэлектроники к наноэлектронике и многие другие достижения, обеспечивающие жизненный комфорт и не связанные с ярко выраженными угрозами и рисками.

Оценка рисков вполне может рассматриваться как фундаментальная задача, с решением которой постоянно сталкивается практически всё живое, определяя степень угрозы для выживания того или иного события. Даже в быту человек непрерывно оценивает множество рисков, выбирая продукты питания или переходя проезжую часть. Переход человечества в индустриальную стадию развития представил эту задачу в новом качестве, что связано с появлением техногенных рисков. Бурное развитие технологий сделало риски нелинейными, повысив вероятность антропогенных катастроф и экологических изменений, одновременно увеличив среднюю продолжительность жизни человека, снизив детскую смертность, вероятность умереть от голода и контактно-бытовых инфекций [3].

В последнее десятилетие, в связи с активным продвижением продукции конвергентных технологий (в частности, нанопродукции) на рынок и проникновением ее в повседневную жизнь человека через продукты питания, одежду, лекарственные средства, предметы косметики и прочее, в обществе резко возросло ощущение рисков. Всё чаще в СМИ и научных публикациях поднимаются вопросы о возможном вредном воздействии на организм уже давно применяемых в промышленности отвердителей и пластификаторов (бисфенола А, фталатов и др.), различных гербицидов и пестицидов [7].

Создание же искусственных материалов новых типов и генетически модифицированных (ГМО) продуктов питания порождает в обществе всё большее беспокойство о том, как существующие экосистемы будут взаимодействовать с ними, как человек сможет с ним приспособиться и вообще, сможет ли?

В частности, беспокойство некоторых специалистов вызывает широкое применение

трансгенных семян некоторых сельскохозяйственных культур, устойчивых к глифосату – мощному гербициду, известному под торговыми названиями «Раундап» и «Глифор». Отличительной чертой этого гербицида является высокая эффективность при уничтожении широкого спектра сорной растительности. Таким образом, предполагается, что устойчивость культур к глифосату снижает себестоимость их выращивания и повышает их урожайность. Проблема в том, что следовые количества глифосата, содержащиеся в растениях вследствие его применения могут вызывать нежелательные эффекты. В частности, после заявлений некоторых датских фермеров о повышении производительности их хозяйств после перевода животных с кормления шротом из генно-модифицированной сои на обычный шрот, исследователи из Орхусского университета установили, что остаточный глифосат ингибирует у млекопитающих активность некоторых ферментов [9].

По мнению автора доклада «Конвергирующие технологии – формирование будущего европейских обществ» Альфреда Нордманна, риски, связанные с развитием конвергентных технологий, представляют собой оборотную сторону тех возможностей, что они могут дать человечеству – «Где есть возможность, там тоже есть риск», – говорится в докладе. Учёный предлагает сгруппировать эти риски в три класса:

1. Риски, связанные с угрозой потери инвестиций вследствие не реализовавшихся проектов.

2. Риски, возникающие когда принятие потребителями технологий опережает понимание их воздействия и осознание последствий их использования. Сюда автор относит, в частности, появление приборов с меньшим потреблением энергии, якобы не загрязняющих среду технологий и других инноваций, которые в купе могут создать иллюзию, что воздействие на окружающую среду находится под контролем.

3. Риски, наследуемые вместе с технологиями, входящими в структуру конвергенции – это риски нанотехнологий, генной инженерии, всепроникающих коммуникационных технологий и др. [8, Р. 9].

Несмотря на то, что системные исследования еще не проводились, и потенциальные

экологические риски пока не оценивались, результаты отдельных работ в этом направлении настораживают уже сейчас. В частности, доказано, что «наноразмерный алюминий в большой концентрации останавливает рост корней пяти с/х культур; побочные продукты производства одностенных углеродных нанотрубок повышают смертность и задержку развития мелких ракообразных, а наносеребро наносит вред не только вредным, но и полезным микроорганизмам» [3, С. 14].

Другая проблема связана с оценкой целесообразности использования конвергенции био- и нанотехнологий для повышения отдельных качеств организма человека. Наряду с решением важнейших задач здравоохранения, применяемые уже сегодня оплодотворение в пробирке, электронные кардиостимуляторы, импланты и т.п. противостоят наследственности, естественным эволюционным процессам и этим вызывают определенную настороженность в обществе.

Конвергенция информационных и когнитивных технологий вызывает опасность еще более высокого уровня. Во-первых, сеть Интернет в современном виде представляет собой не только источник информации или мощный образовательный ресурс, но и принципиально новый механизм управления сознанием. В частности, как глобальное средство массовой информации Интернет может способствовать изменению оценки обществом тех или иных событий. Во-вторых, разработки в области создания и развития когнитивных компьютерных систем наряду с созданием искусственного интеллекта вызывают угрозы и риски, связанные с возможностью утраты контроля над ним или с реализацией чьих-либо корыстных умыслов по достижению интеллектуального превосходства.

Технологическое разнообразие уже позволяет усовершенствование человека разными способами, не только через замену различных органов имплантами или соединение сознания с компьютером, но и посредством манипуляций с генами. Этот феномен не просто вызывает настороженность людей, но и находит отражение в их общественном сознании. Поэтому совсем неслучайно по данным вышеупомянутого опроса ВЦИОМ генную ин-

женерию и клонирование ожидают всего по 1% россиян.

Высокую озабоченность наиболее образованной части населения вызывают риски, связанные с реализацией специальных программ по улучшению природы человека на основе NBIC-конвергенции. Начиная с 2002 г. такие программы стали приниматься в ряде экономически развитых стран: «Конвергирующие технологии для улучшения человеческих способностей» (Converging Technologies for Improving Human Performances), США; «Конвергирующие технологии для европейского общества знаний» (Converging Technologies for European Knowledge Society), Евросоюз и др. В нашей стране создано стратегическое общественное движение «Россия 2045», одной из главных задач которого, согласно принятому манифесту, является «Создание международного научно-исследовательского центра киборгизации с целью практического воплощения главного технопроекта – создания искусственного тела и подготовки человека к переходу в него» [4].

Принципиальная научная неопределенность характерна для любых проектов, ориентированных на будущее технологическое развитие. В случае NBIC-конвергенции круг субъектов и объектов техногенного воздействия стремится к максимуму, в связи с чем оценка рисков, связанных с развитием конвергентных технологий приобретает важное значение. Неопределенность конвергенции (как в целом, так и отдельных ее компонентов) делает неустранимым наличие потенциальных угроз и возможностей [6].

Разумеется, угрозы и риски конвергентных технологий связаны не с достижениями науки и техники, как таковыми, а с реальной возможностью их иррационального использования. Учитывая вновь возникающие риски и корректируя приоритеты, отечественные эксперты и мыслители пришли к необходимости включения в NBIC-конвергенцию в качестве пятого компонента – *социальные технологии*. Создание в 2009 году в Курчатовском институте Центра NBICS-технологий отечественными философами Д.И. Дубровским и В.А. Лекторским и др. было воспринято как «знамение нашего времени». Однако, спустя три года, сам Д.И. Дубровский так характеризовал деятельность NBICS-центра:

«Вот, скажем, М.В. Ковальчук хотел организовать в Курчатовском институте полную систему НБИКС, воодушевил нас, мы все загорелись надеждой, что вот-вот будет, наконец, создан и социогуманитарный центр в составе Курчатовского института, в рамках которого уже успешно работают подразделения нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и в известной мере когнитивных технологий. Первые три подразделения функционируют на высоком, в полном смысле мировом уровне. Я лично видел это. В этом несомненная заслуга М.В. Ковальчука. Но вот инициатива по созданию социогуманитарного центра и тем самым полной системы НБИКС постепенно заглохла» [1, С. 5].

В заключение следует сказать, что научное сознание эволюционирует в ходе развития самой науки, и помимо общих тенденций эволюции, вызванной процессами ее социологизации и прагматизации, возникают проявления, связанные непосредственно с развитием и внедрением конвергентных технологий. К таким проявлениям можно отнести возрастание настороженности и критичности, вызванных неопределенностью, а иногда и двойственностью восприятия технологических достижений. Это влечёт за собой потребность в повышении количества и качества параметров оценки научной деятельности, в разработке механизмов прогнозирования и управления социальными рисками. Мы считаем, что при разработке практических мероприятий по повышению значимости науки в глазах общества в число необходимых параметров оценки ее достижений целесообразно включить широкое обсуждение в СМИ результатов социально-гуманитарной экспертизы каждого значимого NBIC-проекта, а также реальные свидетельства моральной и юридической ответственности ученых, предпринимателей и государственных чиновников.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №14-38-00047 «Прогнозирование и управление социальными рисками развития техногенных человекомерных систем в динамике процессов трансформации среды обитания человека» при участии НИУ «БелГУ», ИСПИ РАН, ЮЗГУ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дубровский Д.И. Конвергенция биологических, информационных, нано-и когнитивных технологий: вызов философии (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2012. №12. С. 3-23.
2. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ «Изобретения XXI века: чего ждут от науки наши современники?», 2009 г. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=12049> (дата обращения: 16.06.2015)
3. Кричевский Г.Е. Опасности и риски нанотехнологий и принципы контроля за нанотехнологиями и наноматериалами // Нанотехнологии и охрана здоровья. 2010. Т. 2. №3. С. 10-24.
4. Николаев Е.И. Манифест стратегического общественного движения «Россия 2045», 2011. URL: <http://www.2045.ru/manifest/> (дата обращения: 16.06.2015)
5. Шматко М.В. Образ науки в массовом сознании современного российского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2007. 16 с.
6. Ястреб Н.А. Оценка рисков конвергентных технологий как философская задача // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации. Сборник трудов VIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Часть I. Секции 1-5, г. Москва, МГТУ МИРЭА, 20-22 ноября 2014 г.; под общей редакцией Е.А. Никитиной. М.: Радио и Связь, 2014. С. 56-61.
7. Grindler N.M., Allsworth J.E., Macones G.A., Kannan K., Roehl K.A., Cooper A.R. Persistent Organic Pollutants and Early Menopause in U.S. Women // PLOS ONE. January 28, 2015.
8. Nordmann A. Converging Technologies – Shaping the Future of European Societies. Luxembourg: European Communities, 2004.
9. Tolstrup K. Vedrørende «Fodring af husdyr med produkter fra genmodificeret soja» DCA – Nationalt Center for Fødevarer og Jordbrug. Specialkonsulent, 2004.

REFERENCES:

1. Dubrovsky D.I. Convergence of Biological, Information, Nano-and cognitive Technologies: the Challenge of Philosophy (materials of the round table) // Questions of philosophy. 2012. №12. Pp. 3-23.
2. The Initiative Russian Opinion Poll «The Inventions of the twenty-first century: what do you expect from the science of our contemporaries?», 2009. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=12049> (date of access: 16.06.2015)
3. Krichevsky G.E. Hazards and Risks of Nanotechnology and the Principles of Oversight of Nanotechnologies and Nanomaterials // Nanotechnology and health. 2010. Vol. 2. №3. Pp. 10-24.
4. Nikolaev E.I. The Manifesto of the Strategic Social Movement «Russia 2045», 2011. URL: <http://www.2045.ru/manifest/> (date of access: 16.06.2015)
5. Shmatko M. V. The Image of Science in the Mass Consciousness of the Modern Russian Society: author. dis. ... candidate. philosophy sciences. Omsk, 2007. 16 p.
6. Jastreb N.A. Risk Assessment of Converging Technologies as a Philosophical Problem // Artificial intelligence: philosophy, methodology, innovations. Proceedings of the VIII all-Russian conference of students, postgraduates and young scientists. Part I. Sections 1-5, Moscow, MIREA, November 20-22, 2014; under the General editorship of E. A. Nikitina. Moscow: Radio and Communications, 2014. Pp. 56-61.
7. Grindler N.M., Allsworth J.E., Macones G.A., Kannan K., Roehl K.A., Cooper A.R. Persistent Organic Pollutants and Early Menopause in U.S. Women // PLOS ONE. January 28, 2015.
8. Nordmann A. Converging Technologies – Shaping the Future of European Societies. Luxembourg: European Communities, 2004.
9. Tolstrup K. Vedrørende «Fodring af husdyr med produkter fra genmodificeret soja» DCA – Nationalt Center for Fødevarer og Jordbrug. Specialkonsulent, 2004.

УДК 328:316.772.5

*Макшакова А.С.***ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕДИА-
КОНВЕРГЕНЦИИ И ПРОЦЕССОВ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
В СОЦИАЛЬНОМ И
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ****Макшакова Анастасия Сергеевна, аспирант**

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,

ул. С. Ковалевской, 16, г. Екатеринбург, 620990, Россия

*E-mail: a.makshakova@inbox.ru***А**ННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема взаимодействия медиаконвергенции и процессов политической коммуникации. Формулируется предположение о том, что появление новых форм политической коммуникации обусловлено в большей степени социальным, а не технологическим контекстом. Для обоснования данного утверждения автор акцентирует внимание на основных проблемах адаптации государства к сложившимся условиям, выявляет трудности социального характера, которые препятствуют переводу государственных услуг в электронный формат.

Ключевые слова: Интернет; медиаконвергенция; новые информационные технологии; виртуальное сообщество; политическая коммуникация; электронное правительство.

*Makshakova A.S.***THE INTERACTION OF MEDIA
CONVERGENCE AND THE PROCESSES
OF POLITICAL COMMUNICATION IN
THE SOCIAL AND TECHNOLOGICAL
DIMENSIONS****Makshakova Anastasia Sergeevna, PhD Student**

The Institute of Philosophy and Law, The Ural Branch of the Russian Academy of Science, 16 Sofia

Kovalevskaya Ave., Yekaterinburg, 620990, Russia

*E-mail: a.makshakova@inbox.ru***А**БСТРАКТ

The article deals with the problem of the interaction of media convergence and the processes of political communication. The author argues that the new forms of political communication were created by the social context instead of the technological context. The article considers the main problems of the adaptation of the state to the modern conditions. Besides, there are social problems which prevent the transfer of the public services into electronic format.

Keywords: the Internet; media convergence; the new information technologies; the virtual community; the political communication; e-government.

Введение. Наблюдаемые в мировом масштабе институциональные, организационные перемены вызваны социальными и технологическими аспектами, которые составляют концептуальную основу медиаконвергенции. Являясь результатом информационно-технологической революции, данный феномен выступает одним из факторов, ведущим к воплощению разнообразных форм социальности во всех сферах общественной жизни. Немаловажное место занимает медиаконвергенция в политической сфере. В связи с этим, считаем целесообразным обратиться к их взаимодействию в социальном и технологическом измерениях. При этом мы исходим из положения о существовании тесной взаимосвязи между двумя видами обозначенных измерений, которая выражается в следующем: благоприятствуют созданию технологий специфические социальные условия, после чего следует наращивание технологической мощи и одновременно с этим возникновение социальных эффектов. Следовательно, происходящие в настоящий момент преобразования в мире политического, имеющие отношение к появлению новых каналов для передачи информации, не детерминируются исключительно технологическим контекстом. Так как в достаточной степени влияние оказывают социальные эффекты, способные затруднять, либо облегчать реализацию политическими институтами имеющегося технологического потенциала.

Анализ актуальных исследований. Проблему медиаконвергенции впервые начали рассматривать на Западе. Анализ зарубежной литературы показал, что в 1960-1970 годах в связи с интенсивным продвижением компьютерной индустрии и информационных сетей на массовый рынок понятие «медиаконвергенция» стало приобретать новые смыслы, которые не были связаны с ранее существовавшими определениями применительно к химии, биологии и пр. Оно начинает ассоциироваться с новыми достижениями в области передачи данных и «оцифровкой» информации.

Первым, кто предвидел в начале 1960 годов эволюцию медиа в результате появления новых цифровых технологий, стал канадский исследователь теории коммуникации

М. Маклюэн. Он получил известность благодаря двум своим работам – «Галактика Гуттенберга» (1962) [8] и «Понимание медиа» (1964) [9]. Размышляя о новом электрическом структурировании мира, М. Маклюэн ведущую роль отдает технологиям, которые позволяют: расширять человеческие органы чувств, реконфигурировать сознание; переводить вещи в любой формат, создавать повсюду центры. Отсюда – сжатие нашей планеты до размеров «глобальной деревни». Для описания подобных социокультурных преобразований использовалось понятие «implosion», что значит нивелирование дистанционных границ между явлениями; наращивание всеобщей интеграции, охватывающей ранее обособленные друг от друга области. Несмотря на приверженность позиции технологического детерминизма, М. Маклюэн стал первым, кто обратил внимание на тенденцию к однородности электронного мира в результате конвергенции различных средств коммуникаций, способных оказать решающую роль в формировании человеческих отношений.

Результаты изучения рассматриваемого нами феномена излагаются в книге американского политолога Итиэля де Сола Пула «Технология свободы» (1983) [6]. Примечательно, что размышления автора находятся вне рамок «технологического детерминизма», как это наблюдается в предыдущем подходе: «Простые версии технологического детерминизма не принимают во внимание различия в способах, в соответствии с которыми то или иное явление возникает на разных этапах жизненного цикла технологии. <...> технологическое воплощение становится просто особым случаем» [6, с. 5]. Более того, мыслитель предпринимает попытку в целенаправленном изучении взаимодействия медиаконвергенции с традиционными медиа, результатом которого является переводение последних в электронный формат. Таким образом, И. де Сола Пул вводит понятие «конвергенция типов», под которыми понимается «процесс размывания границ между «двусторонним типом связи», такими как почта, телефон, телеграф и средствами массовой коммуникации, такими как пресса, радио, телевидение. Средства связи – будь то прово-

да, кабели и радио-, телевизионные каналы – могут осуществлять услуги радио- и телевидения, хотя в прошлом использовались по отдельности. Наоборот, услуги связи, которые раньше были предоставлены с помощью любого средства коммуникации – будь то вещание, пресса, или телефония – теперь могут быть представлены посредством нескольких различных способов» [6, с. 23].

Следующий фундаментальный подход принадлежит социологу М. Кастельсу. Всесторонне анализируя особенности электронной системы коммуникации, он приходит к выводу о невозможности данной системы быть единственным источником видоизменения человеческой деятельности. Поскольку, вступая в непосредственное взаимодействие с электронной системой для «выполнения своих собственных дел, мы изменяем и саму эту систему» [7]. Отсюда вывод о взаимовлиянии социальных и технологических измерений. Выделенная закономерность подтверждается тем, что Интернет как материальная (или технологическая) основа используется «для вовлечения таких движений (виртуальных сообществ – Прим. авт.) в процесс создания нового общества. Однако при этом они видоизменяют сам Интернет: из орудия организации бизнеса и средства коммуникации он превращается также в рычаг общественных преобразований» [7]. Отсюда следует заключение М. Кастельса о том, что инфраструктуру Интернета составляют как телекоммуникационные и компьютерные технологии, так и социальные движения, которые поддерживают его существования посредством реализации различных коммуникативных форм.

В отечественной литературе, так или иначе, затрагивается проблема медиаконвергенции. Так, в конце 1990-х годов появляется статья Е.Л. Вартановой «К чему ведет конвергенция?» [1], в которой она рассуждает о различных проявлениях медиаконвергенции по отношению к системе средств массовой информации. Далее появляются труды М.В. Луканиной, М.И. Макеенко, А. А. Калмыкова, А. Кохановой, А. Г. Качкаевой и др. Приведенные нами работы, являющиеся отнюдь не единственными по данной теме, позволяют продемонстрировать преобладание ключевой тенденции, характеризующие специфику

отечественной научной мысли. Так, исследования медиаконвергенции лежат в русле изучения средств массовой информации, что позволяет говорить о недостаточно раскрытом научно-исследовательском потенциале анализируемого нами вопроса. Более того, многомерность самого понятия «медиаконвергенция» подтверждается тем, какой глубокий смысл вкладывают зарубежные исследователи в этот феномен.

Аналізу процессов политической коммуникации в Интернет-пространстве посвятили свои работы М.Н. Грачев, М.С. Вершинин, А.И. Соловьев, Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг и др. Прежде всего в работах перечисленных авторов нас интересовал аспект адаптации органов государственной власти к медиасреде, новым информационным технологиям. Но, как показывают результаты исследований, вовлечение государством в свою деятельность новых форм политической коммуникации сопряжено с определенными трудностями, которые в большей степени отличаются социальным характером. Так, при анализе проблемы организационного сопротивления при переходе к электронному правительству А.Д. Трахтенберг указывает, что новые требования «вызывали противоречивую реакцию даже внутри одной организации: для одних сотрудников этот переход означал увеличение возможностей и приобретение новых, более сложных навыков («upskilling»), для других, напротив, их сужение и примитивизацию («deskilling»). При этом организационное сопротивление порождалось не только недостаточной квалификацией сотрудников и непониманием ими преимуществ новой формы деятельности, а являлось своего рода формой борьбы с технологической экспансией, ведущей к личностной деградации» [5]. В заключении исследователь делает важный, на наш взгляд, вывод: «субъектом изменений является отнюдь не технологии, а организации...» [5].

Таким образом, в данной статье будет предпринята попытка провести всесторонний анализ взаимодействия медиаконвергенции и процессов политической коммуникации в социальном и технологическом измерениях с той целью, чтобы определить перспективы становления новым форм ком-

муникации в сфере политического и определить трудности, этому становлению препятствующие.

Основная часть. Начало 1970-х годов ознаменовалось информационно-технологической революцией планетарного масштаба в результате появления Интернета, телекоммуникационных систем, компьютерных технологий. В настоящее время итог их совместной интеграции находит свое отражение в существовании коммуникационной системы. Ее специфика в том, что она говорит на универсальном цифровом языке, существует в глобальном масштабе и предоставляет каждому возможность производить, хранить и распространять сообщения различного формата, таким образом «создавая новые формы и каналы коммуникации, формируя жизнь и формируясь жизнью в одно и то же время» [4].

Описываемое слияние социальных и технологических структур составляют концептуальную основу информационно-коммуникационной парадигмы и информационного общества в целом. М. Кастельс в своем труде [4] изложил их в следующей последовательности.

Первая особенность парадигмы данного типа относится к способности технологии оказывать влияние на информацию, а не наоборот.

Вторая характеристика – всеохватность эффектов технологий, которые формируют процессы человеческой деятельности.

Третья черта состоит в обладании новой информационной технологии сетевой логикой, которая в достаточной степени адаптирована к сложным взаимодействиям и непредсказуемым путям развития.

Четвертая особенность выделяет одно из наиболее важных качеств информационно-технологической парадигмы – гибкость, «...организации и институты можно модифицировать и даже фундаментально изменять путем перегруппировки их компонентов. Конфигурацию новой технологической парадигмы отличает ее способность к реконфигурации – решающая черта в обществе, для которого характерны постоянные изменения и организационная текучесть. <...> материальную базу организации теперь можно перепрограммировать и перевооружить» [4]. На

наш взгляд, обозначенные аспекты в полной мере находят свое отражение в политическом измерении, а в особенности – в конструировании модели «электронного государства».

Пятая черта – технологическая революция, в которой ключевое место отводится слиянию технологий в высокоинтегрированных системах. Прежде всего, речь идет о технологической медиаконвергенции, одной из характеристик которой является интеграция электронных устройств, мультимедийных услуг и др. В связи с этим остановимся более подробно на рассмотрении специфики технологической медиаконвергенции и возникающих при этом новых социальных форм в сфере политического.

Технологическая медиаконвергенция, являясь результатом интеграции Интернета и новых информационных технологий, представляет собой процесс объединения различных мультимедийных функций (доступ в Интернет, возможность осуществления коммуникаций в социальных сетях и пр.) в границах одного электронного устройства. Иными словами, медиаконвергенция здесь выступает в роли некоего посредника между устройством (компьютер, мобильный телефон и пр.) и тем набором мультимедийных функций, который она соединяет на технологическом носителе и которые позволяют субъекту участвовать в формировании социального контекста и, таким образом, поддерживать инфраструктуру Сети. Однако тот вид медиаконвергенции, который мы наблюдаем сегодня, появился относительно недавно. Начало ее появления связано, на наш взгляд, с тем моментом, когда технологическая система подготовила почву для социальных взаимодействий. Формирование принципиально нового коммуникационного формата в Интернет-пространстве связывают с термином «Web 2.0.», который был предложен в 2005 году Тимом О'Рейли и означает «самостоятельное производство контента массой пользователей и активный обмен информацией между ними» [2, с. 42]. До этого существовавшая форма – Web 1.0 – и упомянутыми преимуществами не обладала, поскольку производство и распространение контента было прерогативой малого круга лиц. В этом случае стоит констатировать отсутствие процес-

са медиаконвергенции, который выстраивается сообразно с соответствующими технологическими условиями, позволяющими представителями широкой аудитории воспринять их и вести социальную деятельность.

Экстраполируя ряд выделенных аспектов на сферу политического, заметим, что конвергенция технических средств связи выступила основой для образования новых форм политического выражения, чем в свое время воспользовались пользователи Сети. В результате – на технологической базе были сконструированы такие формы коммуникации как социальные сети, форумы, чаты, блоги и многое другое. Их преимущества состоят в том, что они позволяют: налаживать органам государственной власти обратную связь с аудиторией в режиме реального времени; оперативно удовлетворять информационные потребности граждан; повышать эффективность политической рекламы, политических кампаний и пр.; формировать положительный имидж и репутацию политического актора. Соответственно, обозначенные нами формы являются отличными от предшествующих форм социального взаимодействия, обладают собственной сетевой логикой и возможностью создавать различные коммуникационные эффекты.

Однако поддержанием жизнеспособности этих форм занимаются не столько органы государственной власти, а сколько виртуальные сообщества. Функционируют они, основываясь на двух ценностях: «горизонтальной, свободной коммуникации и возможности каждого найти свое место или создать собственную информацию и опубликовать ее в Интернете, тем самым иницируя появление новой сети. Самопубликация, самоорганизация и самостоятельное построение сетей образуют модель поведения, которая внедряется в Интернет, а затем изменяется из него по всему социальному пространству» [7].

Что касается инициативы самого государства России в данной области, то стоит признать, что оно предпринимает достаточно последовательные шаги. Поскольку перевод государственных услуг в электронный формат является целью как развитых, так и развивающихся стран и относится к одному из приоритетных направлений Организации Объединенных На-

ций [3]. Однако постепенная трансформация функционирующих политических институтов зависит в большей степени не от технологических, а социокультурных контекстов. Об этом, в частности, пишет Е.Г. Дьякова: «Социальные, культурные, политические и пр. контексты влияют на эффективность не только технических решений, но и на всего спектра решений, определяющих формирование новых структур взаимодействия сотрудников органов власти и между собой, и с гражданами». Проанализировав правовую базу, обеспечивающую предоставление государственных услуг в электронном виде, исследователь делает справедливые выводы о том, что данное направления отличается неравномерной траекторией развития. В качестве примера сошлемся на приводимый Е.Г. Дьяковой Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». «Документ начал разрабатываться в 2002 г., был одобрен на заседании Правительства РФ в 2005 г., и принят только в феврале 2009 г. Медлительность в принятии этого закона еще раз свидетельствует о том, что переход к «электронному правительству» – это не технологический, а социальный процесс с ярко выраженной культурной составляющей» [3].

Выводы. Нами был проанализирован процесс взаимодействия медиаконвергенции и политической коммуникации в социальном и технологическом измерении. Было выяснено, что не последнее место в этом обсуждении занимает вопрос политических, социальных, культурных контекстов, в рамках которых осуществляется адаптация государства к тем возможностям, которые предоставляет сегодня мультимедийная среда. Однако технологические возможности медиаконвергенции зачастую слабо коррелируют с социальными возможностями государства, поскольку не последнюю роль играет «устойчивость отечественных ментальных установок, ориентированных на поддержание режима закрытости и непрозрачности принимаемых решений» [3]. Поэтому приспособление государства к политической коммуникации должна осуществляться в рамках преодоления этих установок, т.е. соответствовать логике социальной, а не технологической.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вартанова Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. 1999. Вып. 6.
2. Дзялошинский И.М. Коммуникативные матрицы прикладной политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. 2012. С. 42-58.
3. Дьякова Е.Г. Переход к электронному правительству в России: нормативно-правовая база и социальный контекст // Совместные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2011. №3. Т. 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-v-rossii-normativno-pravovaya-baza-i-sotsialnyy-kontekst> (дата обращения: 19.04.2015).
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/ (дата обращения: 15.04.2015).
5. Трахтенберг А.Д. Переход к электронному правительству и проблема организационного сопротивления // Совместные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2012. №11 (19). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-i-problema-organizatsionnogo-soprotivleniya> (дата обращения: 4.05.2015)
6. De Sola Pool I. Technologies of Freedom. Cambridge: Belknap Press; First Edition, 1983. 344 p.
7. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001. URL: <https://books.google.ru/books?id=Q-1Mo-3ObWWgC&printsec=frontcover&dq=The+Internet+Galaxy&hl=ru&sa=X&ei=ysxQVardIojdywPK4IDYDQ&ved=0C-BwQ6AEwAA#v=onepage&q=The%20Internet%20Galaxy&f=false> (дата обращения: 5.04.2015)
8. McLuhan, Marshall The Gutenberg Galaxy : the making of typographic man. Toronto, Canada: University of Toronto Press, 1962. 293 p.
9. McLuhan, Marshall (1964). Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill, 1964. 359 p.

REFERENCES:

1. Vartanova E.L. What does the Convergence of Mass-media Lead to? // Information society. 1999. Issue 5.
2. Dzyaloshinsky I.M. Communication Matrices of the Applied Political Communication Science // Political communication science: theory, methodology and practice. 2012. Pp. 42-58.
3. Dyakova E.G. Transition to E-government in Russia: The Legal Framework and Social Context // Modern Study of Social Problems (electronic scientific journal), 2011. № 3. vol. 7 [Electronic resource]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-v-rossii-normativno-pravovaya-baza-i-sotsialnyy-kontekst> (date of access: April 19, 2015).
4. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. M.: Izd-vo Vysshey shkoly ekonomiki, 2010 [Electronic resource]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/ (date of access: April 15, 2015).
5. Trachtenberg A.D. The transition to e-government and the problem of organizing the resistance // Modern Study of Social Problems (electronic scientific journal). 2012. № 11 (19). [Electronic resource]. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/trakhtenberg.pdf>. (date of access: April 5, 2015).
6. De Sola Pool I. Technologies of Freedom. Cambridge: Belknap Press; First Edition, 1983. 344 p.
7. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001 [Electronic resource]. URL: <https://books.google.ru/books?id=Q1Mo-3ObW-WgC&printsec=frontcover&dq=The+Internet+Galaxy&hl=ru&sa=X&ei=ysxQ-VardIojdywPK4IDYDQ&ved=oCBwQ6AEwAA#v=onepage&q=The%20Internet%20Galaxy&f=false> (date of access: April 5, 2015).
8. McLuhan, Marshall The Gutenberg Galaxy: the making of typographic man. Toronto, Canada: University of Toronto Press, 1962. 293 p.
9. McLuhan, Marshall Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill, 1964. 359 p.

УДК 316.42

Шаповалова И.С.
Гоженко Г.И.

ПОНЯТИЕ ТЕХНОСФЕРЫ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015; E-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

Гоженко Галина Игоревна, аспирант
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015; E-mail: gozhenko@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье раскрываются основные теоретические аспекты изучения техносферы. Проведен анализ дефиниций, и соотнесены понятия «техносфера», «техническая реальность», «техногенез», что позволяет выявить специфику феномена техносферы с позиции разных авторов. Выявлены типичные варианты понятия техносферы, при этом техносфера рассматривается, в первую очередь, как неотъемлемая часть социокультурной среды, которая обуславливает процессы жизнеобеспечения, социализации, коммуникации членов социума. Рассмотрены наиболее распространенные подходы к исследованию техногенной среды. Определены тенденции современных исследований в сфере взаимодействия общества, техники и технологии. Обозначается роль технического развития в социальной, культурной и экологической сфере. Описаны наиболее вероятные направления и перспективы развития общества в условиях развития техники и поставлена стратегическая задача дальнейших исследований, которая состоит в придании управляемости процессам развития техносферы и взаимодействия человека с техникой.

Ключевые слова: техносфера; техническая реальность; техносфера; техногенез; техника; инфосфера.

Shapovalova I.S.,
Gozhenko G.I.

THE CONCEPT OF TECHNOSPHERE: ANALYTICAL REVIEW OF THE FORMATION AND STUDY

Shapovalova Inna Sergeevna, Doctor of Sociology, Associate Professor
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

Gozhenko Galina Igorevna, PhD Student
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: gozhenko@bsu.edu.ru

АБСТРАКТ

The article describes the main theoretical aspects of the study of the technosphere. The authors analyze the definitions and concepts «technosphere», «technical reality», «technogenesis» that reveal the specificity of the technological environment from the perspective of different authors. The authors reveal the notion of exemplary embodiments of the technosphere, and the technosphere is regarded primarily as an integral part of the socio-cultural environment, which causes the processes of life support, socialization, communication, members of society. The article discusses the most widespread approach to the study of man-made environment, determines the tendencies of the current research in the area of interaction between society and technology. The authors designate the role of technological development in the social, cultural and environmental spheres and describe the most probable areas and prospects of development of society in terms of technical and strategic task for further investigation consisting in giving the manageability of the technical environment and human interaction with technology.

Keywords: technical environment; technical reality; technosphere; technogenesis; technics; infosphere.

Актуальность изучения такого феномена и понятия как «техническая реальность» обусловлена теми задачами, которые стоят в осмыслении изменений характера развития современной нам цивилизации. В настоящее время анализ техносферы представлен значительным количеством несогласованных попыток ее концептуализации.

В литературе, которая посвящена исследованию феномена технической реальности, представлены разные позиции относительно соотношения понятий: «реальность» – «техническая реальность» – «техносфера» с взаимодополняющими понятиями, которые характеризуют другие виды «реальностей» и соответствующие им «сферы». В.П. Котенко исследует распространенные подходы к понятию «техническая реальность». Он отмечает, что реальность как бытие вещей противостоит небытию и другим возможным формам бытия. Бытие, в отличие от реальности не тождественно существованию. Реальность включает в себя человека и его отношение к этой данности. Иной аспект этого понятия состоит в том, что «реальность существует между личностями как необходимое условие их коммуникации». И, наконец, третий аспект отражает творческую активность субъекта: реальность возникает тогда, когда человек мыслит и действует: реальность находится на границе сферы познания и других сфер человеческого духа [4].

Техническая реальность – это результат взаимодействия двух уровней деятельности: идеальной (сферы постановки целей, технических проектов, технического творчества и т.п.) и материальной (сферы воплощения проектов в действительность в процессе деятельности социотехнических систем). Идеальный уровень технического творчества связан с проявлением субъектной стороны деятельности, материальный – с объектной. В анализе взаимосвязи указанных уровней представители естественнонаучных и техноведческой парадигм акцентируют значимость объектной стороны деятельности, представители социогуманитарных парадигм – субъектной. Большинство исследователей выделяют такое свойство технической реальности, как целостность.

При соотнесении понятий «технической реальности» и «техносферы» точки зрения исследователей расходятся. Вопрос о соотношении понятий «техническая реальность» и «техносфера» исследуется: через выявление аспектов взаимосвязи «реальностей» и «сфер»; с точки зрения определения места каждого из указанных понятий в структуре практически-преобразовательной деятельности; через соотнесение с различными областями знания.

Нельзя не согласиться с В.М. Розиным, который акцентирует внимание на необходимости корректного использования термина «техносфера», так как она является целым, в рамках которого можно выделить некоторые структуры, процессы, явления, трактуемые в естественной модальности [8]. Б.И. Иванов считает, что понятие техносферы «шире» понятия технической реальности. В структуру техносферы он включает: «материальную искусственную подсистему объективной реальности (техническую реальность в виде устройств, технологических процессов, материалов, трудовых приемов и трудовых действий субъекта); элементы преобразованной (преобразуемой) природы; продукты технической деятельности (предметы потребления); непроектируемые антропогенные объекты; идеальную искусственную подсистему объективной реальности (знаковую систему в виде технознания), а также технодеятельность, направленную на изучение, разработку, создание, эксплуатацию (применение), утилизацию и оценку техники и технологии» [2, 20]. В.П. Котенко, которые определяет техносферу как технологию в широком смысле слова, включает ее в структуру технической реальности, отмечая принадлежность этих понятий к разным дисциплинарным областям. С его точки зрения, термин «техносфера» – техноведческий, в то время как «техническая реальность» – философское понятие).

Понятия «техническая реальность» и «техносфера» некоторыми исследователями отождествляется. Н.В. Попкова, представляя обзор понятия «техносферы», замечает, что отсутствие систематического анализа элементов техносферы составляет основную сложность философского анализа техногенного развития. Такие ученые, как А.Д. Иосе-

лиани, В.А. Кутырев [3, 5] и некоторые другие, при определении понятия техносферы опираются на толкование сущности техники как процесса и результата превращения «естественного» в «искусственное».

Анализ таких понятий «техносфера», «биосфера» и «ноосфера» включает в себя изучение исторических этапов технологического развития общества и вектор нового уровня его эволюционного прогресса. Космопланетарный аспект термина «сфера» характеризует представление о вложенности структур, наращивании планетарных оболочек, подобно образу русской матрешки. Таковы модели человека и Вселенной как вложенных сфер в некоторых концепциях восточной философии, а также в концепции сферогенеза [10].

В результате стремительного развития, техника из простой совокупности несистематизированных инструментов воздействия общества на некоторые элементы естественной природы трансформировалась в техносферу, которая и создала новую среду обитания, изменившую ритмы и паттерны социокультурной жизни, образные представления, язык и т.п. Понятие техносферы еще не приобрело устойчивого характера, и порой при его использовании имеются в виду разные смыслы.

Характеризуя особенности новой картины мира, О.В. Долженко включает техносферу в понятие социокультурного пространства как его неотъемлемую часть [1]. В других случаях техносфера определяется как элемент ноосферы. Есть предположение, что именно технология в развитых промышленных странах постепенно становится той технической суперсистемой (техносферой), которая определяет развитие и формирование всех прочих технических систем и изделий, а также технических знаний и наук.

В одном из последних специальных словарей представлены три варианта понятия техносферы: 1) часть биосферы, коренным образом преобразованная человеком в технические и техногенные объекты; 2) часть биосферы, преобразованная людьми с помощью прямого или косвенного воздействия технических средств в целях наилучшего соответствия социально-экономическим потребностям человечества; 3) практически замкнутая регионально-глобальная будущая

технологическая система утилизации и реутилизации вовлекаемых в хозяйственный оборот природных ресурсов, рассчитанная на изоляцию производственных циклов от природного обмена веществ и потока энергии.

Обобщая все приведенные выше определения техносферы, обозначим то принципиальное общее, что характерно для всех них, и возьмем его за точку отсчета. Во-первых, техносфера определяется как часть биосферы. Это значит, что в биосфера включает также другие части, которые не подвергаются прямому либо косвенному воздействию технической деятельности человека. Однако такого рода части обнаруживаются сегодня все в реже. В научном знании определенно фиксируется всеобъемлющий характер природных изменений, которые происходят в силу того, что природа неспособна адаптироваться к техногенной деятельности человеческого общества.

Во-вторых, новейшая техника является частью не только вещной, но и символической области культуры. Таким образом, техносфера в социокультурном поле представлена не только лишь предметной средой и технологиями, но и научными, философскими, мифологическими и многими другими знаковыми системами.

В-третьих, определение техносферы подразумевает информационные обмены. В развитие данной концепции появилось понятие Инфосферы, которое характеризует важнейшую область техносферы, и теории информации, которая претендует на статус метатеории, занимающейся фундаментальными, базовыми исследованиями с информационной точки зрения всех, физико-химических, астрофизических, социальных и других явлений, и процессов.

Подводя итог, дадим определение понятия техносферы, которая является неотъемлемой частью социокультурной среды и обуславливает процессы жизнеобеспечения, социализации, коммуникации членов социума. Техносфера является внутренне сложной структурой. К ее компонентам можно отнести:

- технические артефакты;
- технические знания;
- техническая (не только специально инженерная, но и социально-технологическая, хозяйственно-бытовая и т. п.) деятельность.

Социодинамика техносферы обусловлена как внутренними, (находящимися в самой техносфере), так и внешними (отражающими состояние окружающей среды) социокультурными факторами.

Н.В. Попкова в своем диссертационном исследовании «Техносфера как объект философского исследования» указывает, что «для определения комплексного воздействия технических объектов на жизнь человека и природную среду имеет смысл исследовать техногенную среду в масштабе планеты как формирующуюся в результате технологического развития и трудовой деятельности человечества целостность, охватывающую все материальные объекты и процессы (в том числе – измененные биологические системы, вышедшие из-под влияния биосферных закономерностей, и материальную инфраструктуру человеческой жизнедеятельности), которые появились в результате прямого или косвенного техногенного изменения биосферы и геологических оболочек Земли. Техногенная среда – закономерный результат преобразования естественной среды с помощью технической деятельности».

Развитие техники приводит к расширению масштабов технологических процессов, а также связанных с ними объектов природной среды. Это приводит к увеличению очагов техносферы и подмены ими естественных ландшафтов, трансформации природных процессов. Выделяются такие компоненты техносферы, как:

- технические объекты и технологические процессы;
- система объектов обеспечения индустриального и земледельческого производства (производственная инфраструктура);
- поселения – центры искусственной окружающей среды и соединяющие их коммуникации (инфраструктура жизнедеятельности людей);
- технические изделия, или окружающий человека вещный мир;
- произведенные промышленностью небiosферные химические вещества и отходы производства, которые требуют утилизации;
- биологические комплексы, вышедшие из-под влияния биосферных закономерностей и управляемые техническими средствами [6].

Прикладная актуальность изучения техносферы обуславливает возникновение некоторых подходов к исследованию техногенной среды, которые предлагают собственные формы рефлексии техносферы и социальные проекты.

Выделяются следующие основные направления философского исследования техносферы. *Элементный* подход не считает возможным использовать понятие «техносфера», отрицая единство техногенной среды на глобальном уровне; его целью является объяснение закономерностей создания и функционирования отдельных участков техногенной среды (микросред), выделяемых по критерию существования для них единых социальных практик.

Техноцентрический подход допускает использование термина «техносфера», раскрывая целостность техногенной среды на уровне фиксируемых тенденций развития (таких, как укрупнение технологических процессов и глобализация техногенных воздействий); с его точки зрения цель исследования заключается в прогнозировании развития технической реальности в будущем; осуществляется элиминация субъективного фактора (эволюция искусственного мира понимается как существующая в соответствии с объективными законами). *Экоцентрический* подход считает возможным использовать понятие «техносфера», раскрывая единство техногенной среды как источника глобальных изменений природы (все технические объекты объединены по признаку воздействия на естественные процессы); целью исследования в данном случае является прогнозирование техногенных изменений биосферы. *Антропоцентрический* подход считает допустимым использование понятия «техносфера», раскрывая единство техносферы на уровне генетической соизмеримости всех существующих технических объектов, отражающих в конечном счете отношения людей друг к другу и к миру; целью изучения является поиск возможностей нейтрализации техногенных изменений жизни человека.

Для реализации динамического анализа техногенной среды используется комплексный социоприродный подход к социальной

и естественной истории, который основан на совместном рассмотрении истории человечества и эволюции биосферы. В качестве субъектов социоприродного развития выступают эволюционирующая биосфера и исторически развивающееся общество – взаимозависимые и составляющие единую систему жизни на планете. Основной вектор социоприродного развития – это повышение роли антропогенных закономерностей и, следовательно, уменьшение роли биогенных: изначально в собственно человеческой жизни, а теперь и в биосфере в целом.

Человек и окружающая среда в процессе жизнедеятельности непрерывно взаимодействуют друг с другом. При этом жизнь может существовать только в процессе движения через живое тело потоков вещества, энергии и информации [7].

Анализ развития техногенной среды, предоставляемый традиционными подходами к исследованию техносреды, показывает: состояние природы и общества, перспективы его развития оцениваются по-разному, а практические рекомендации расходятся. В техногенном обществе действуют социокультурные механизмы технологического роста. Судя по росту численности населения Земли и повышению продолжительности жизни, до сегодняшнего дня положительные эффекты от расширения техносреды превосходили отрицательные, однако нельзя делать поспешный вывод о поддержании такого рода соотношения и в будущем. Теоретически возможно наступление порога техногенных изменений, за которым начнется разрушение биологических параметров самого существования людей.

Социоприродный подход к изучению техносферы предполагает, что развитие техники есть способ приспособления человечества к реально существующим правилам естественной и социальной среды. Анализ технических видов деятельности реализуется в связи с целью этой деятельности, которая состоит в опосредовании природных факторов, обеспечивающих само существование, а также развитие социума. Данный подход предполагает некоторые допущения.

1. Техническая деятельность – это следствие свойственной для человека деятельно-

сти, которое в данном случае проявляется в материальной реальности.

2. Техногенная среда создается в результате технического опосредования. Она охватывает все большую область жизнедеятельности человека и, усложняясь, закономерно выходит из-под контроля своего создателя – то есть человека.

3. Так как подобные процессы являются характерными для всех известных форм деятельности, необходимо оценивать их по одинаковым критериям, а придерживаясь стратегии их трансформации – исходить из общих принципов.

Итак, термин «техносфера» включает в себя единство техногенной среды на уровне общей функции технических объектов – посредничества между природой и человеком. Данное понятие служит для объяснения противоречий в жизни человечества.

Техническое развитие – это процесс, который ведет к распространению и уровневому росту техногенной среды, сопровождается количественным увеличением ее характеристик, которых объединяет понятие автономности, то есть неполной управляемости и прогнозируемости технологических процессов, наличие их негативных результатов при уменьшении значения субъектной составляющей и т.д. Традиционные принципы приводят к преувеличению автономности техносферы, которая рассматривалась как внешняя по отношению к человеку сила. Социоприродный подход показывает, что функционирование техники всегда имело автономные аспекты, выраженные в стихийности формирования технических систем и преобразования природы, в спонтанном возникновении непредусмотренных социокультурных трансформаций по мере техносферного роста. Техногенная детерминация не означает полную зависимость человека от техники, она (формализуя некоторые условия его жизни) выступает условием его свободы от природной и социальной стихии. Автономия технической реальности – закономерное следствие естественно-искусственной сущности техногенной среды, причина ее объективных характеристик. Выделяются источники автономии техносферы: креа-

тивный потенциал технической деятельности и хаотичность реальной техногенной среды.

Неконтролируемые трансформации в природе человека, естественной и социальной среде должны компенсироваться управляемыми. Вероятно, превращение техносреды в систему мирового масштаба позволило бы ею управлять, но социокультурное состояние человечества сделает этот переход источником еще более сложных моральных проблем.

Если на ранних стадиях своего становления техносфера не имела структурного единства, выступая в виде локальных очагов, привязанных к человеческим сообществам, то, начиная с XX столетия, ее ареал стал быстро расширяться, захватывая весь земной шар, а взаимодействия между отдельными ее частями становятся системными.

При изменении величин какого-либо потока от минимального значения до максимально возможного, можно проследить ряд специфических уровней взаимодействия в системе «человек – среда обитания» от комфортного до чрезвычайно опасного [9].

Развивающаяся техника представляет собой мощную силу, формирующую историю человечества, коренным образом меняющую характер общества (становление цивилизации техногенного типа), а также планетарной материи в целом. Техногенез, как любой природный процесс, вовлекает в свои круговороты массы вещества, потоки энергии и информации. Здесь происходит их преобразование и создание новых объектов и систем, имеющих искусственную (техногенную) основу. Особенно важной для техногенеза является интеллектуальная (мыслительная) энергия человека. Поэтому информационные потоки, инициированные интеллектуальной деятельностью, выходят в техногенезе на первый план, обеспечивая создание и развитие новых видов и форм техники. Ученые все больше говорят о предстоящем вступлении цивилизации в информационную эру.

Развертывание техногенеза происходит хоть и ускоренно, но крайне неравномерно,

путем подъемов на более высокие энергетические и информационные уровни. Соответственно идет рост его организованности и структуризация самой техносферы.

Чем дальше развивается техносфера, тем меньше доля участия людей в этом развитии. Проектирование, производство, эксплуатация техногенных объектов постепенно переходят к самой техносфере за счет роботизации и автоматизации (автоматические производственные линии, заводы-автоматы), а также всемерной компьютеризации – оснащении технико-технологических комплексов, транспортных систем и проч. интеллектуальными машинами.

Таким образом, техносфера автономизируется, а человек вытесняется из ее структуры. Это означает превращение техносферы в самоуправляемую систему, где посредничество человека заменяется прямым взаимодействием «техника – окружающий мир». Здесь техногенные объекты обретают свойство автотрофности – способности непосредственного усвоения энергии из внешнего пространства (например, энергии Солнца через фотоэлементы). А координацию и направленность развития обеспечивают интеллектуальные устройства – вначале компьютеры, а в будущем искусственный интеллект.

Итак, состояние современной цивилизации можно характеризовать не только развитой техносферой, но и противоречивыми, разноплановыми ее оценками. Стратегическая цель современной науки состоит в придании пока еще стихийным, неуправляемым процессам определенной степени управляемости. Именно это является стимулом для поиска инновационных подходов к изучению техногенной среды.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №14-38-00047 «Прогнозирование и управление социальными рисками развития техногенных человекомерных систем в динамике процессов трансформации среды обитания человека» при участии НИУ «БелГУ», ИСПИ РАН, ЮЗГУ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Долженко О.В. Философия образования: дань моде или условие выживания? // Философия образования. М., 1996.
2. Иванов Б.И. Философские проблемы технoзнания (методологические и социологические аспекты): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1997.
3. Иоселиани А.Д. Теоретические и социальные основы техносферы. М.: Перспектива, 2006
4. Котенко В.П. Философские проблемы современной научной и технической реальности: учеб. пособие. СПб., 1999.
5. Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород, 1994.
6. Попкова Н.В. Техносфера как объект философского исследования: автореф. дис. ... д-ра. филос. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/tekhnosfera-kak-obekt-filosofskogo-issledovaniya#ixzz3IJ4eNSx8> (дата обращения: 25.04.2015)
7. Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. М., 1992.
8. Розин В.М. От традиционной парадигмы образования – к новой // Техническая эстетика. 1990. № 6. С. 9-12.
9. Спиридонов Е.Г. К проблеме взаимодействия человека и техносферы. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=118022> (дата обращения: 20.10.2014).
10. Федоров Ю.М. Сумма антропологии. Космо-антропо-социо-природогенез человека. Новосибирск, 1996.

REFERENCES:

1. Dolzhenko O.V. Philosophy of Education: a Fad or a Condition of survival? // Philosophy of Education. M., 1996.
2. Ivanov B.I. Philosophical Problems of the Technological Knowledge (methodological and sociological aspects). SPb., 1997.
3. Ioseliani A.D. The Theoretical and Social Foundations of the Technosphere. M.: Perspektiva, 2006.
4. Khotenko V.P. Philosophical problems of Modern Scientific and Technological Reality. SPb., 1999.
5. Kuttyrev V.A. The Natural and Artificial: the War of the Worlds. N. Novgorod, 1994.
6. Popkova N.V. Technosphere as an Object of Philosophical Inquiry. URL: www.dissercat.com/content/tekhnosfera-kak-obekt-filosofskogo-issledovaniya#ixzz3IJ4eNSx8. (date of access: 25.04.2015)
7. Reimers N.F. Hopes for the Survival of Humanity. Conceptual ecology. M., 1992.
8. Rozin V.M. From a Traditional Educational Paradigm – to a new // Technical aesthetics. 1990. № 6. Pp. 9-12.
9. Spiridonov E.G. On the Problem of Interaction between Man and the Technosphere. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=118022>. (date of access: 20.10.2014)
10. Feodorov J.M. The Amount of Anthropology. Human cosmo-anthropo-sociogeny. Novosibirsk, 1996.